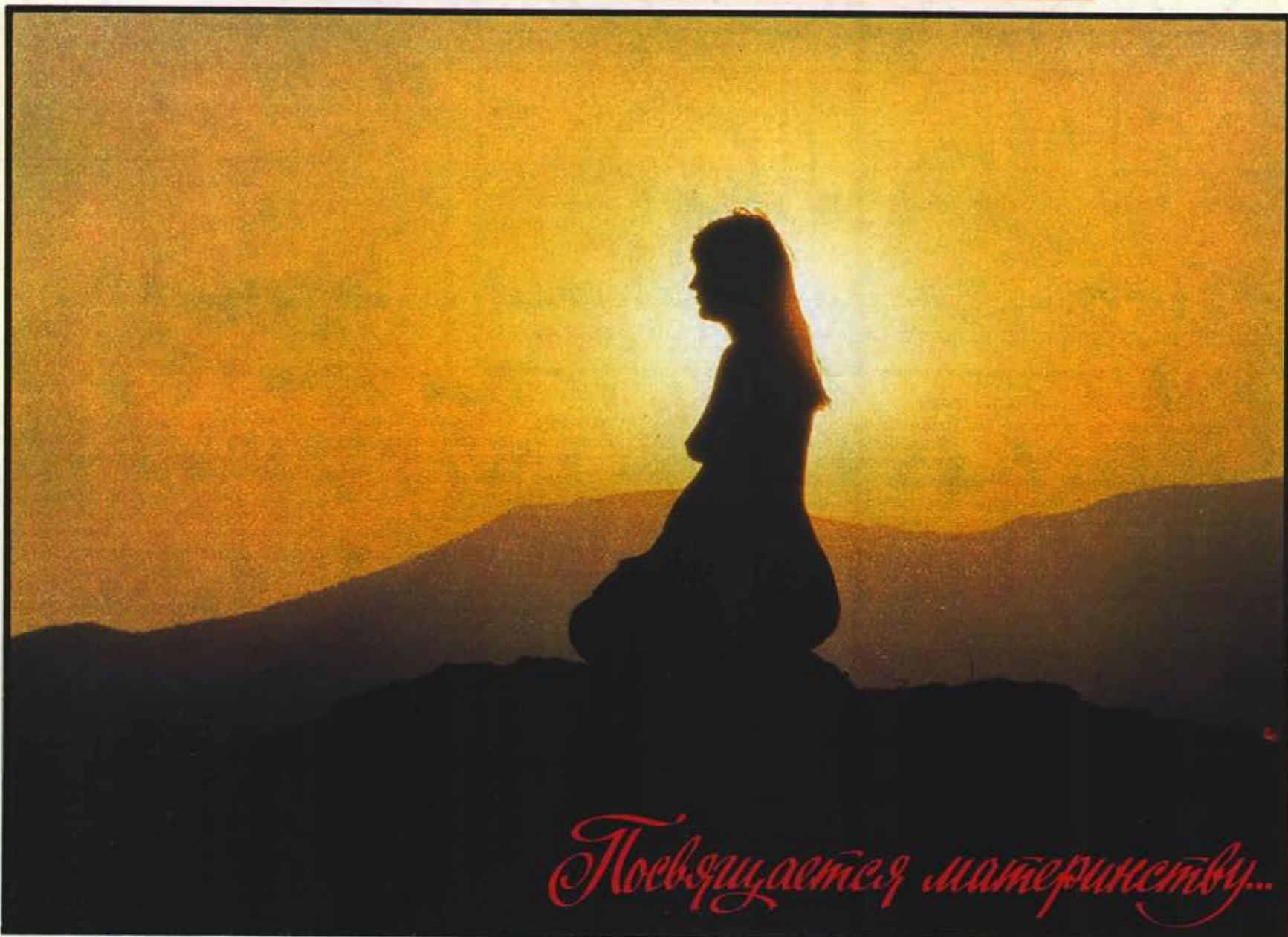

СМЕНА **5**

МАРТ '87

Посвящается материнству...

Фото Александра Гращенкова

Нина Переверзева. Голос в защиту жизни
Делегат съезда комсомола — чемпионка мира
В семью пришла помощница. Новая услуга
Затмение совести. Командировка по письму
Футбол. Международный турнир на приз «Смены»
Майя Плисецкая. Автобиография
Динара Асанова. Возьмемся за руки, друзья!
Алла Пугачева и Юлиан Семенов. Начистоту
Что касается женщин... Монолог мужчины
Фантастический роман Джона Уиндема

Герой Социалистического Труда,
член ЦК КПСС,
депутат Верховного Совета СССР

Нина Переверзева

СЛОВО МАТЕРИ

Сдонским нашим полем, на котором работаю, вся моя жизнь, вся моя судьба связаны. Отсюда, с этого поля, ушли на войну мой отец и старший брат. Оба не вернулись... А я это поле помню совсем не таким — некрасивым, ужасным, исковерканным. Это было в моем детстве.

Детство мы не особенно видели. Отец с братом на войне, старшая сестра замужем, а мы — трое с мамой — глядим, как на нас война катится.

Наверное, мы все-таки и играли тогда, и смеялись, ведь без этого же совсем нельзя, но в основном мы работали. Рядом с мамами, вместе с ними, то с косами, то боронили на своих коровках. И самая главная, даже единственная мечта была — наесться хлеба. Хлеб, он постоянно нас преследовал.

Вот все эти довоенные запахи, запахи свежего хлеба, пышек, пирожков, они ведь нас преследовали и в сны приходили. Мне было двенадцать лет, когда война началась. Фашист пришел в сорок втором, и началась нежить. Я тогда просто не понимала, почему мамка меня всегда старалась спрятать в огороде, чтобы я там в кустах просидела весь день. Я ж тогда, глупая, порой даже в обиде на нее была. Иногда вздрогнешь только от одного воспоминания, как они, фашисты,

кричали — просто так, они ж никогда не говорили, только кричали, пугали, им так нравилось. Перестреляли всю нашу птицу, коровок, ни у кого в селе коров не осталось. Мало он у нас похозяйничал, быстро его выбили, а все же много людей перестрелял — и женщин с детишками тоже.

А мы, детвора, тайком на

могилочку одной застреленной женщины ходили, и так было жалко ее, сил нет, просто будто кто-то родной тут был застреленный. Мамка охала, плакала, что я куда-то бегая. Хоть хлеба не было, но от воздуха нашего я выглядела свежо, краснощеко, теперь я понимаю ее тревогу. Сто сорок три дня мы были в оккупации, а не забыть их никогда, даже иногда и не верится, сколько зла можно принести людям за такой малый срок.

А как выбили фашиста, вернулся к нам в колхоз один трактор ЧТЗ. Мы его так и называли «царь полей» за его единственность, да и мощный он был по тем-то временам.

Так я устроила, что попала на прицеп, к Егору Андреевичу, дядя Жора Архипову. Его по брони в колхозе оставили, он понимал, что за него другие воюют, вот он за всех других и работал. И нас учил. Ну, всяко приходилось. За ночь, пожалуй, ни разка и не

передремлешь — поля ж засоренные, а он, дядя Жора, таскал два спаренных плуга по пять лемехов. Нас было две девчушки у него. Это я сейчас только понимаю, какое ему надо было иметь мастерство, а пуще того — терпение, чтобы нас обучить. Ведь он и переживал за нас, что мы там, детишки, лазили по этим плугам, по этим лемехам ногами. А когда мы заканчивали смену, он всегда говорил: «Молодцы!» — это у него как закон был. Он говорит «молодцы», а мы смазываем свой плуг, сдаем сменщикам, у нас ушки на макушке, когда учетчик объявляет, сколько мы сработали, и оказывается, что мы больше всех сработали, и дядя Жора, тоже уставший весь,

говорит: «Девочки, мы все-таки славно поработали, хорошо вспахали. Молодцы вы!»

Трудно работать в поле? Я бы так не сказала. Я бы сказала: непросто. А то уж мы привыкли по каждому поводу говорить: «Ой, трудно, ой, неважину!» Мы так привыкли к этому слову, что уж и смысл его теряется.

Может, человек в чем-то себя и ущемляет: в отдыхе, в режиме. А с другой стороны: ну какая тяжесть, если идет комбайн, обед на поле привозят, душ к тебе подплывает, автолавка тут же, агитбригада поет и пляшет — ну какая же здесь трудность? Это же прелесть просто, а не работа.

А по-настоящему трудно было во время войны. Я помню, как у дороги стояла женщина с косою и котомочкой. А в котомке одна лепешка. И она ее не ела, детям берегла. Вот ей действительно было трудно: косить это поле, и детей растить, и мужа ждать. Она уж вся бессильная была, а по полгектара скашивала за день. А мы теперь работаем чуть не в белой рубашке, чуть не в галстучке в этом комбайне и говорим: тяжело. Это, кажется, традиция у нас такая. Просто, я думаю, надо знать ценность слов и беречь их. А отдавать всего себя, как это бывает во время уборки, то не «трудно», то просто работа.

Когда подъедешь к полю на комбайне, в душе обязательно защемит — не потому, что боишься работы, не потому. Просто, наверное, хлеборобская доля такая — испытать какую-то не обозначенную словами душевную боль. Я со многими говорила, у всех так. Будто смотрит мать на дочку или сына, и все у них хорошо, и здоровыми растут, и красивыми, а в душе тревога:

какими вы будете? Человек не может без этого волнения, без этого душевного переживания войти сразу в поле, потому что оно живое существо. Когда оно богатое, так радуется вместе с человеком, когда посеченное, так будто извиняется. С ним, с полем, можно поговорить и помолчать, вернее, про себя что-то ему тихонько бормочешь, и оно тебе так же тихонько отзванивает в ответ. Встанешь поутру, и начинается твой день. Завтрак надо приготовить, и чтоб все довольные были, сытые. Чтобы в радости на работу пошли. Корову подоить, проводить, и чтоб она тоже в настроении была.

Занимаешься домом и себя на радость настраиваешь. А уже пять часов. И до того охота на улицу выйти, только чтоб стен никаких не видеть. А выйдешь на улицу, и кажется, что вот в тебе вся радость скопилась этим утречком. Это такая прелесть — не знаю, может, это как раз романтикой и называют, когда утро, и на улицу выйдешь, и все хорошо, что тебя окружает, и такая благодать.

Помню, съездила первый раз в Москву, возвращаюсь и думаю: как хорошо-то в Москве было, а только что же сердце так прыгает, когда к селу подъезжаешь?

Где родился, там и содился. Может, и не про всех сказано, а про меня и многих других — точно. Тут же оно мое, родное. И родители мои здесь, и детство, и первые долги жизни. И так тянет, тянет, когда в разлуке, особенно сейчас, уже года подходят к таким большим горам — уж лишнего часа вдаль не проживешь. И дома везде есть не хуже наших, и деревья, и все остальное. Вот

и хлеб,— вот это пирожок, пусть он и вкусным будет, и белым, и пышным, но все равно он не такой, как наш, домашний. Когда сам все это творишь — так и запаха расчудеснее не бывает. Это странное чувство, когда все твое. И все, что вокруг, и все, что в тебе. Да, все мое, ничего не хочу отдать.

В пятьдесят втором я выходила замуж за Николая Петровича. Мама меня отдавала бедновато. В приданое она мне дала прабабушкин сундучок, в нем надо было заменить одну досточку, подгнила она. Досточку заменили, а краску негде было достать, так и осталась одна досточка белая. Кому же я отдам это: топтогон наш, где мы плясали под гармошку и балалайку, досточку белую, счастье наше — все мое!

А через двадцать лет у мужа комбайн, у меня комбайн и у сына Вани комбайн. Тогда у меня шея стала подлиннее, потому что все время

оборачивалась: ну что он там встал, что не выгружается, почему не научился? А он научился, это мне только кажется, что не очень-то, и шея-то все вытягивается — и это навсегда мое. И как мы договаривались никогда не считать, сколько заработали,

сколько намолотили. И как отвыкать без дела говорить «трудно», «тяжело». Вот бы самой себе пожаловаться. А не хочется! Трудно не работать. И тем, думаю, трудно, кто привык не работать. Их сегодняшнее время догола раздело, слов лишило.

Каждый человек, наверное, задумывается о своей жизни,

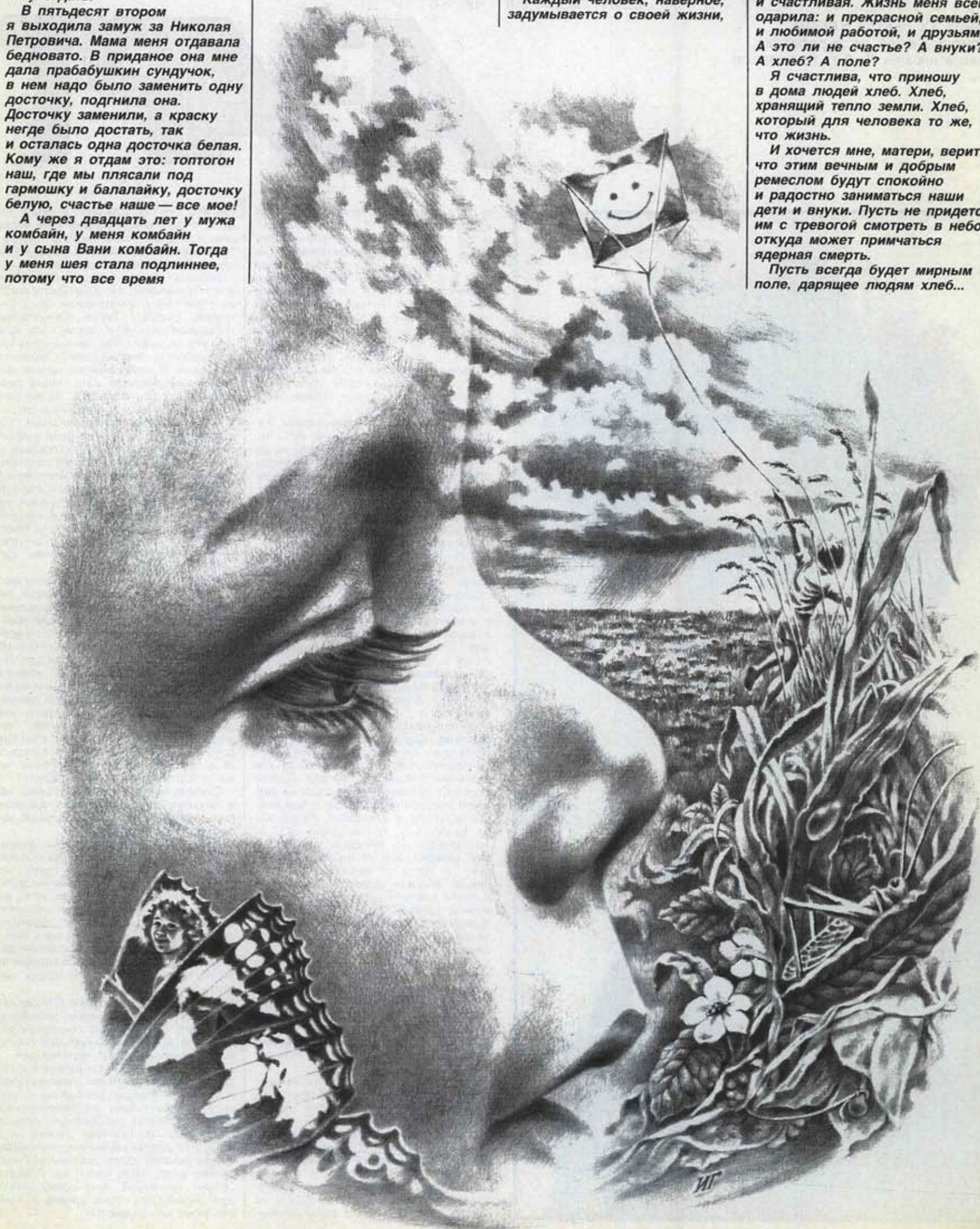
о всех тех годах, которые прошли. И вот я так порою все-все в глубине души измеряю и каждый раз прихожу к одному выводу: я какая-то одаренная. Вот чем одаренная — не могу сказать.

Наверное, жизнью. А оттого, наверное, и счастливая. Жизнь меня всем одарила: и прекрасной семьей, и любимой работой, и друзьями. А это ли не счастье? А внуки? А хлеб? А поле?

Я счастлива, что приношу в дома людей хлеб. Хлеб, хранящий тепло земли. Хлеб, который для человека то же, что жизнь.

И хочется мне, матери, верить, что этим вечным и добрым ремеслом будут спокойно и радостно заниматься наши дети и внуки. Пусть не придется им с тревогой смотреть в небо, откуда может примчаться ядерная смерть.

Пусть всегда будет мирным поле, дарящее людям хлеб...

АНАСТАСИЯ БАБАНИНА

делегат XX съезда ВЛКСМ,
чемпионка мира по акробатике,
ученица школы № 6 г. Ярославля

АЗАРТ

фото Владимира Васильева

Недavno по командировке ЦК комсомола я вместе с товарищами по сборной страны побывала в Тюменской области и на Дальнем Востоке. Мы встречались с молодыми нефтяниками, строителями, рыбаками. С каким радушием нас принимали! Сколько было разных вопросов! Такие встречи нам, спортсменам, очень нужны. Ведь тут, по сути, дается оценка твоему труду. И сам ты яснее видишь, что все твои усилия не напрасны, что ты работаешь не только ради высоких спортивных результатов, но и ради людей, ради славы нашей Родины.

Я участвовала в соревнованиях, которые проходили в Аргентине, ФРГ, Китае... Это ни с чем не сравнимо, когда там, за границей, ты стоишь на верхней ступеньке пьедестала и в честь твоей победы звучит Гимн Советского Союза.

Но даже после короткой разлуки с родными местами тянет домой, в Ярославль. С волнением возвращаюсь в школу. И вот тут...

Горько признаваться в этом, но, пожалуй, нигде я не пережила столько обиды, не услышала столько незаслуженных упреков, как в своем классе. Какая-то стена непонимания. Даже в счастливый для меня день, когда я вернулась из Франции чемпионкой мира — это звание мы завоевали в паре с землячкой Светланой Безручко, — одноклассники встретили меня так, будто я никуда и не уезжала. «Привет. Как дела?» — вот и весь разговор.

Не подумайте, что я жду бурных приветствий, цветов. Нет, на такое и не претендую. Но почему нет самого элементарного любопытства: где была, как выступила? И дело не во мне. Просто удивляет безразличие со стороны тех, с кем учишься не один год, с кем вместе вступала в комсомол. Разве это по-товарищески, по-комсомольски?..

Стараюсь не показывать обиды, но она, наверно, все же прорывается наружу. И тогда от некоторых девочек слышу в свой адрес: «Зазналась». А самое обидное, когда так же думают и иные учителя. Но это же неправда! Я сама готова рассказать обо всем, что видела. Но натыкаешься на равнодушные — всякая охота отпадает.

Что тут, зависть?.. Но ведь успех не сваливается с неба, не приходит сам собой. Возможности у всех в общем-то одинаковые. Каждый может многого достигнуть, если не в спорте, то в учебе, в работе, в искусстве. Нужны только терпение, трудолюбие, воля. И воспитывать эти черты характера у молодых призван комсомол.

Для меня комсомол и спорт — понятия неразрывные. Ведь бойцовский, спортивный характер сродни комсомольскому.

Девятый год, с первого класса, занимаюсь акробатикой. Тренировки шесть раз в неделю, почти без выходных. Устаешь, конечно. Но мысли бросить спорт не возникало. Хотя с самого начала мне не повезло: на одном из первых занятий сломала руку, наложи-

ли гипс. Так что я делала: в школу ходила с зафиксированной рукой, а когда шла в спортзал, снимала гипс. Теперь понимаю, чем рисковала, тогда же ни за что не хотела отставать от других.

Большой спорт — большой труд. Не все, к сожалению, это понимают и потому относятся к спортсменам как к баловням судьбы. Такое впечатление складывается еще и потому, что для тех, кто защищает спортивную честь города, области, иногда делают какие-то поправки. Я категорически против подобного меценатства. Оно только возвращает, расслабляет, порождает «звездную болезнь». Пресекать это — дело комсомольских организаций. По крайней мере у себя в сборной с такими недугами мы боремся беспощадно.

По себе знаю, как нелегко сочетать активные тренировки и выступления со школьной учебной. Однако кое-кто упорно пытается представить меня не просто как спортсменку, но и как отличницу. Не понимаю, зачем эта показуха? Да, я учусь без троек, но и пятерок у меня негусто, а точнее, одна — по физкультуре.

Кстати, об уроках физкультуры. В школе они обязательны для всех. Но сколько ребят правдами и неправдами увильивают от занятий! Да и сам урок без продуманной методики, без определенной цели ничего не дает. Вот на что надо бы обратить внимание школьному комсомолу. Пора всерьез поднять престиж физкультуры и спорта среди молодежи. Вспомним время, когда считалось стыдным быть хилым, неповоротливым — словом, неспортивным. Почему же сейчас у многих девочек избыточный вес, а некоторые мальчики, наши будущие защитники, не могут подтянуться на перекладине?

Считаю, не только комсомолец, но и вступающий в комсомол должен быть значком ГТО. Предлагаю записать это в Устав ВЛКСМ.

Кроме того, надо всячески развивать те формы досуга, где без основательной спортивной подготовки не обойтись. Вот, скажем, увлечение брейком. Любители этого танца есть во многих городах Ярославской области. Обком комсомола планирует провести фестиваль брейка. И я, как член обкома ВЛКСМ, готова оказать необходимую помощь, подключить спортсменов-акробатов. Да и сама не прочь научиться танцевать брейк.

Ну, а разве не по силам комсомольцам соорудить спортивные площадки, проводить соревнования по разным видам спорта? Разговоров об этом много, а вот конкретных дел куда меньше.

Привлекать юношей и девушек к систематическим занятиям физкультурой и спортом — еще раз обращаюсь к проекту Устава — одна из непреходящих забот первичных организаций. Нельзя действовать по старинке. Нужно, чтобы в этой работе появились настоящий комсомольский задор, настоящий спортивный азарт. Ведь спорт, как говорил Эрнест Хемингуэй, учит всему, спорт учит жизни. Эти слова, думаю, в комментарию не нуждаются.

ФИРМА ПРИГЛАШАЕТ

Ксения АВДЕЕВА.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Приемная, окрашенная в столь излюбленный офисами цвет уныния, не располагала к разговорам. Молча дожидались мы своей очереди дать объявление: у кого-то потерялась собака, кому-то надо срочно разменять трехкомнатную квартиру... Всех оживил голос женщины у окошечка.

— Девушка, миленькая, поставьте, ради бога, хоть на текущий месяц. Сами подумайте, пока газета объявление напечатает, пока эта мифическая няня откликнется! А нам с мужем через сорок два дня надо быть на Кольском, в партии. Как тут ребята с малышом разберутся, страшно подумать, они же оба в институте на последнем курсе. И у нас это последняя экспедиция. Одна надежда на вас. Может, откликнется какая-нибудь старушка, а уж мы с дедом для Павлуши за цену не стоим! — закончила энергичный монолог молодая стройная бабушка в «банахах» и широкой спортивной куртке. Представить ее с рюкзаком за плечами, бодро шагающую с геологами где-нибудь в Заполярье, гораздо легче, нежели увидеть благостно сидящей с коляской на бульваре.

Венные времена: молодые бабушки и дедушки, жаждущие насыщенной событиями жизни, влюбленные в работу, в путешествия, в друзей, друг в друга, переживающие вторую, подлинно творческую молодость, в то же время болеют душой за своих взрослых детей и маленьких внуков. Как тут не вспомнить свои университетские годы, нагрнувшее материнство, еще молодую, но вечно занятую бабушку и прелестного малютку, которого приходилось то и дело подкидывать сердобольным друзьям и соседям. Учиться ков-как можно было и дома. Но проходить практику и писать диплом, не выходя «в люди», невозможно. Через пару месяцев всеобщих поисков и лихорадочной тайной обклейки объявлениями уличных столбов в нашем доме появилась наконец энергичная румяная старушка, мечтавшая о цветном телевизоре. С утра до обеда няня Аня отбывала с Кириллом мое «библиотечное время» всего лишь за девятьсот рублей. «Это несерьезно! — поправят просвещенные люди. — Цен таких давно уже нет. Няня, способная самостоятельно двигаться и не лишенная иных достоинств, стоит не менее ста тридцати рублей в месяц. Плюс питание и подарки...» Если повезет, няня приживется, станет членом семьи, и тогда вашему младенцу не придется кочевать с рук на руки в ожидании ведомственных яслей. Но это если повезет!

В Москве сегодня лишь 260 служащих фирмы «Заря» выполняют функции ухода за ребенком на дому. 260 из восьми тысяч там работающих! (Цифры эти назвал заместитель генерального директора объединения Евгений Васильевич Санков.) Заполучить няню из фирмы — все равно что выдержать конкурс в ГИТИС. Претендентов множество, в очереди приходится стоять чуть ли не полгода. Как это и бывает при дефиците, предпочтение в конкурсе отдается тем, кто имеет «заслуги перед обществом». Помню, как сами девушки (няни) с восторгом рассказывали мне, что довелось им воспитывать внуков знаменитого маршала, известно-

го профессора, работать «у самой Инны Чуриковой». Может ли состязаться с ними молодая семья без особых заслуг, но с теми же большими проблемами?

С одной стороны, помощь молодым родителям становится все более ощутимой — государство пошло на увеличение пособий, дотаций и т. д. А вот в системе коммунальной помощи — полный застой. Обычной «одноребеночной» молодой семье не светит ни специальный продуктовый или промтоварный заказ, ни очередь на шубку в «Детском мире» (эти льготы — для многодетных семей), для нее очень маловероятна возможность спокойно выбраться в гости, доверив ребенка профессиональному работнику «Зари»... Кстати, такого понятия, как «няня», в фирме не существует. В штатных расписаниях комбинатов бытового обслуживания предусмотрена рабочая категория — «исполнитель разовых поручений». Загадочно и неопределенно. Хотя и «няни» — тоже не совсем точно, ведь они не только возятся с малышами, но и помогают престарелым. Впрочем, нянями эти хорошенькие девушки (средний возраст 23 года) и сами стесняются называться. Существует проект, по которому и нянечек, и уборщиц-санитарок в детских садах и яслях предлагается именовать «помощниками воспитателя». Что подделаешь, престижность профессии для молодых людей гораздо важнее ее социальной значимости. А для нас, клиентов «Зари», помогающий больным и престарелым, растящий и воспитывающий детей, незаменимый и желанный «исполнитель разовых поручений» — куда более достойная и симпатичная профессия, чем бармен или маникюрша. Но вот загадка: нянями хотят стать единицы, а барменами и маникюршами сотни. Хотя официальная заработная плата у тех и у других категорий примерно одинаковая. «Так это же официальная!» — засмеются вам в глаза.

Для справки: зарплата «исполнителей разовых поручений» 96 рублей. Премия небольшая — рублей 10—15 в месяц. Но ведь это зарплата только что окончившего вуз инженера, музейного и клубного работника. Инженеров у нас предостаточно, а вот нянь не хватает, а если уж говорить о московской «Заре», то здесь все 260 нянь — иногородние, иными словами, «лимитчики». Понятие это, как тавро, почти неистребимо, хотя за плечами некоторых нянь более десятка лет работы в столице, на одном предприятии. Дело они свое знают, профессию любят. И внешне никогда не отличите вы их от девушек, рожденных в Бескудникове или Ясеневе... И все-таки лимитчики!

Любопытно, почему за все годы существования «Зари» ни одна юная или пожилая москвичка не пожелала попробовать себя на этом поприще? Почему не предлагали фирме свои хотя бы временные услуги? Не пытайтесь ответить на все эти вопросы, отметим: работа по дому все меньше привлекает многих женщин, особенно молодых. Двадцатилетней студентке, имеющей собственную шкалу нравственных и бытовых ценностей, вы вряд ли сумеете объяснить, как прекрасна и значительна роль хранительницы очага, как увлекательно быть настоящей до-

машней хозяйкой, какое несравнимое счастье самой воспитывать своих детей. Что ж, пора признать, что внутреннюю мировоззренческую наполненность жизни многим заменил стиль, темп...

В глазах юных мам, с которыми я встречалась, проводя это своеобразное социологическое исследование, было одно желание: вырваться назад — в цехи и аудиторию, читалки и курилки. Скорее. Любимой ценой. За любые деньги. Но чтобы ребенок был в надежных руках.

Мои собеседницы дружно высказались в пользу фирмы «Заря». Там все поставлено на официальной основе. Там не бросят ребенка, когда наедост, как какая-нибудь баба Глаша. Не опоздают, не прогуляют. Можно позвонить в комбинат, посоветоваться, похвалить или пожаловаться. Девушки молодые, энергичные, внимательные, их культура и интеллект не ниже, чем у самих «хозяев», и уж ни в какое сравнение не идут они с пресловутой бабой Глашей. Они деловиты и ответственны, имеют специальные знания, приобретенные и на курсах фирмы, и собственным опытом. Они умеют готовить и обращаться с детьми: и гуляют с ними, и играют, и читают им книги. А за работу берут меньше, чем частницы. Дневной час ухода за ребенком в «Заре» стоит 60 копеек, ночной — 75. Двадцать четыре полных рабочих дня (при шестидневной неделе) обходятся заказчику в 114 рублей 40 копеек. Если мы отнимем от этой цифры сумму зарплаты «исполнителя», увидим, что государство никакого мало-мальски ощутимого дохода не получает: услуга для «Зари» убыточна. И компенсировать ее в общем балансе объединения приходится за счет других, более доходных видов работ.

Многие молодожены считают, что форма услуги устарела. Большинству молодых семей нужна сейчас не стабильно приходящая изо дня в день помощница, а человек, способный подменить их в период экзаменов, преддипломной практики, отпуска, а то и просто на вечер. Такой вид помощи молодой семье, очень популярный во многих странах («беби-ситтинг» в буквальном переводе «сидение с детьми»), у нас пока полностью отсутствует. И вовсе не потому, что руководство службы быта не понимает перспективности подобной формы работы. Все оно понимает. Но вряд ли сможет «Заря» при самых благих намерениях сделать завтра больше, чем сегодня. За прошедший год из «Зари» уволилось девять исполнителей разовых поручений, а на их места не пришел никто.

В последнее время «Заря» активизировала поиски скрытых резервов, тем более что приток лимита в Москву прекращается и надо будет обходиться собственными силами. Зимой 1984 года руководство вышло на горком комсомола и на штаб Московского студенческого строительного отряда. Получили от них «добро» и заверения в поддержке. Предложения «Зари» заключались в следующем: создать для фирмы на летний период специализированный студенческий отряд по образцу тех, что успешно работают на предприятиях торговли. Войдут в него будущие педагоги и медики. Для них это будет более

обоснованная логикой профессии практика. И не бесплатно, избави бог, предлагалось практикантам возиться с малолетними детьми и престарелыми. «Заря» планировала изыскать дополнительные средства для стимулирования специального отряда. Но... он так и остался голубой мечтой руководства предприятия. Штаб ССО продолжал отправлять будущих педагогов и медиков в дальние дали приобретать строительные навыки, а «Заря» осталась ни с чем.

...Когда я приехала на улицу Анохина к Людмиле Кирилловне Климаковой, уже 15 лет работающей мастером цеха «Добрые услуги», она первым делом достала длинный список и стала считать «выбывшие» души — уволились еще несколько десятков нянь. На август прошлого года в их цехе, обслуживающем Москворецкий, Октябрьский и Пролетарский районы Москвы, насчитывалось всего 18 исполнителей разовых поручений.

Неужели в столице нельзя найти несколько сотен человек для такого жизненно важного дела? Если со студентами пока не вышло, может, попробовать привлечь старшеклассников, ведь многие из них хотели бы сами зарабатывать деньги, а не тянуть их из родительского кармана. Увы, несмотря на школьную реформу, ничего не изменилось в юридической практике оформления подростков на работу. В соответствии с постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 1 июля 1985 года привлечение учащихся на временную посильную работу разрешается только в период каникул. А потому около тридцати миллионов трудоспособных подростков никоим образом в общественном производстве не участвуют, разве что летом, в отрядах труда и отдыха.

Главная редакция молодежных программ Центрального телевидения предложила объединению провести эксперимент по привлечению учащейся молодежи для работы на предприятиях «Зари». Старшеклассники из 23-й школы Октябрьского района столицы стали его добровольными участниками и на два дня были зачислены в штаб «Зари». Отделение Госбанка выдало фирме в порядке исключения резервную сумму денег. В нарушение всех норм (на то и эксперимент) приняли условия о моментальном расчете с исполнителями. Страсти разгорелись по поводу самого главного: какие именно виды услуг будут выполнять ребята? Горячие головы требовали доверить подросткам ухаживать за малышами. Чем, собственно, шестнадцатилетний подросток хуже взрослого? «Не хуже», — возражали профессионалы, — но в отличие от взрослого его дееспособность юридически ограничена и ответственность за свои поступки он несет иную. Да и слишком дороги здоровье и благополучие малышей, чтобы делать их объектом эксперимента.

В конце концов было решено поручить старшеклассникам покупать и разносить продукты и лекарства, оплачивать коммунальные платежи, убирать квартиры.

...Апрельским утром к месту работы с опозданием на сорок минут прибыло восемнадцать учащихся. Шли не торопясь, с хорошим настроением. У неко-

торых, правда, уже спустя пару часов улыбки с лица исчезли. Нужные продукты были не во всех магазинах, сумки оказались тяжелыми, время текло медленно. Ходили ребята парами, так веселей! К десяти вечера большинство заказов они все-таки выполнили. И следующий день особых восторгов фирме не принес. Опоздавших было не меньше. «И главное, что нас неприятно удивило,— вспоминает Санков,— это их полнейшая невозмутимость. «Ну, опоздали... Не на контрольную ведь...» Трудовая дисциплина оказалась для ребят более чем относительным понятием...»

Все-таки не зря учат в школе. Еще вечером, дома, многие подсчитали, что за такую «не пыльную» работенку заплатят совершеннейшие копейки. За две бутылки кефира да булку родители рубль дают, да еще и счастливы, а здесь ходишь с одним заказом по трем магазинам два часа, и на тебе — семьдесят пять копеек! С уборкой квартир тем более накладно. Мыть места чужого общего пользования ребята наотрез отказались.

И все-таки, отбрасывая чрезмерную восторженность некоторых организаторов эксперимента, порожденную, как обычно в жизни и бывает, незнанием «предмета», руководство объединения решило: можно привлекать учащихся для выполнения подобного рода разовых услуг.

Ну, а как же с решением основных вопросов? Кто придет к малышам и престарелым? И насколько вообще нравственно насаждать этокое «тиму-

ровство за деньги»? Нет, наверное, города в нашей стране, где школьники не шефствовали бы над семьями погибших воинов, не помогали бы ветеранам. Достаточно вспомнить беззаветную работу отрядов красных следопытов, проводимую десятилетиями. Так почему бы не распространить эту бескорыстную помощь на всех одиноких пожилых людей? Задумаемся и над тем, у всех ли пенсионеров достаточно средств, чтобы оплатить услугу фирмы «Заря»? Старому человеку нужны не только морковь и тазепам, но и общение, связь с полнокровной жизнью, участие и тепло. И есть, на мой взгляд, некая моральная нечистоплотность в том, что шестнадцатилетний комсомолец за деньги доставит старушке (пусть даже добросовестно и в срок) набор продуктов, поставит «галочку» и галопом помчится к другой старушке... Впрочем, вопрос спорный.

Основной резерв нянь для ухода за детьми и больными составляют, вероятно, все-таки специализированные студенческие бригады.

«Не только!» — говорят в объединении. Здесь считают возможным привлекать к кооперативной форме труда и молодых мам. Уже не раз сталкивались мы с вынужденной кооперацией нескольких женщин, сидящих по очереди со своими детьми (обычно понедельно) у кого-нибудь дома и, таким образом, «развязывая руки» остальным. Ну, а если предложить самостоятельным воспитательницам (чаще всего студенткам или молодым специалистам) официальную зарплату и стаж за

то же самое дело? Если расширить группу до четырех-пяти ребятшек?

Упрямая в ряд вопросов: как разместить малышей в малогабаритных квартирах? Как кормить? Где спать? Но вопросы эти вполне разрешимы.

Еще один вариант. «Заря» берет на себя посреднические функции между теми, кто взывает о помощи со столбов и газетных объявлений, и теми (старушками пенсионерками), кто готов поработать няней. Почему бы не создать картотеку для желающих посидеть с детьми несколько часов, как уже было сказано, «бесиситтингство» имеет богатый опыт во многих странах мира, и можно, не изобретая колеса, его использовать...

А еще можно открыть прогулочные, игровые группы, которые с радостью возглавили бы ушедшие на пенсию учителя, скучающие по ребятам и так много способные им дать.

Думать необходимо не только о формах, но и качестве работы исполнителей разовых поручений. Стремясь привлечь молодежь к профессии, поднять ее престижность, объединение проводит зональные и городские конкурсы на «лучшую няню». В этой специальности, как и в любой другой, есть «мастера» и «подмастерья».

Что же нужно, чтобы стать няней образцовой? — этот вопрос я задаю уже не в кабинете начальников, а шестерым «няням», сидя вместе с ними за уютным чайным столом в общежитии на Мытной. Все они театралки. Самая старшая, Галя Алтухович, очень изящная, хрупкая, танцует в хореографиче-

ском ансамбле, недавно окончила музыкальную школу. Она «ветеран движения», работает в объединении уже двенадцать лет. В прошлом году награждена орденом Дружбы народов. От Гали в восторге родители и дети. Говорят, что она прирожденный воспитатель, быстро смиряет и приручает отъявленных упрямцев и капризуль. Много читает малышам, рассказывает, никогда не повышает голоса. Мне все же легче представить Галю в зале консерватории, чем на детской площадке с лопаткой.

«Надо, чтобы, помимо чисто практических, нам давали на курсах в фирме специальные знания по дошкольной психологии, педагогике, социологии искусства, а не только по приготовлению каши или салата,— убежденно говорит Галя.— Это повысило бы наш авторитет в глазах родителей, дало бы большие основания исправлять их ошибки».

Таня Конрад — прирожденный борец за справедливость. Отсюда и задиристость, ироничность.

«Если бы вы слышали, как по-барски, пренебрежительно ведут себя некоторые клиенты, наши, кстати, сверстники. Знай, нянька, свое место. Удостоверения, по которому мы могли бы быстро делать закупки в магазинах, у нас нет. Очереди и дефицит — наши враги. Представьте, что я должна отоваривать на неделю старую женщину, которая сама из дому не выходит. Пенсия у нее 49 рублей. А человек прекрасный, и для меня просто вопрос принципа достать все, что она заказа-

ла.—Таня вынимает записную книжку и показывает длинный перечень.—Если бы прикрепляли нас к конкретному универсаму, можно было бы помочь в день не двум, а четырем пенсионерам. И домой добраться не на карачках...»

«Главная беда — это низкая зарплата,—вступает в разговор очень элегантная, подтянутая, реалистически мыслящая Ольга.—Если так материально твой труд оценивают, трудно поверить, что он социально значим. Будет хорошая прибавка, и молодежь потянется. Да и ограничения на работу по нашей специальности для людей с высшим образованием пора снять...»

Есть досадная горечь в их рассуждениях: профессия их не очень-то престижна. И в приличной компании не

всегда примут всерьез, если представиться: «исполнитель разовых поручений...» Но влюбленность в свою теперешнюю нелегкую и несуразную жизнь, а главное, в огромный удивительный город, так велика, что они готовы мириться с любыми трудностями...

Выходим на Мытную далеко за полночь. Метро закрыто. Так мы и не поговорились.

«Да все равно ведь все вы сгладите, причешете или в редакции начальники уберут»,—обижают меня напоследок.

Невероятно тиха старинная улица. Хочется бесконечно шагать по ней.

«Москвичом надо родиться, причем необязательно в Москве»,—говорит Оля.

Не хочется расходиться, но завтра им рано на работу.

**СЕГОДНЯ
В МНОГОМИЛЛИОННОЙ
МОСКВЕ
ЛИШЬ ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ
СЛУЖАЩИХ
ФИРМЫ «ЗАРЯ»
ВЫПОЛНЯЮТ ФУНКЦИИ
УХОДА ЗА РЕБЕНКОМ
НА ДОМУ,
ОКАЗЫВАЮТ ПОМОЩЬ
БОЛЬНЫМ И ПРЕСТАРЕЛЫМ.
СВЕТЛАНА КУЗНЕЦОВА
И СВЕТЛАНА ШЛАУСТАС
В ЧИСЛЕ ЭТИХ ДОБРЫХ
И ЗАБОТЛИВЫХ ПОМОЩНИЦ.**

Юрий РАГОЗИН

ЗАТМЕНИЕ СОВЕСТИ

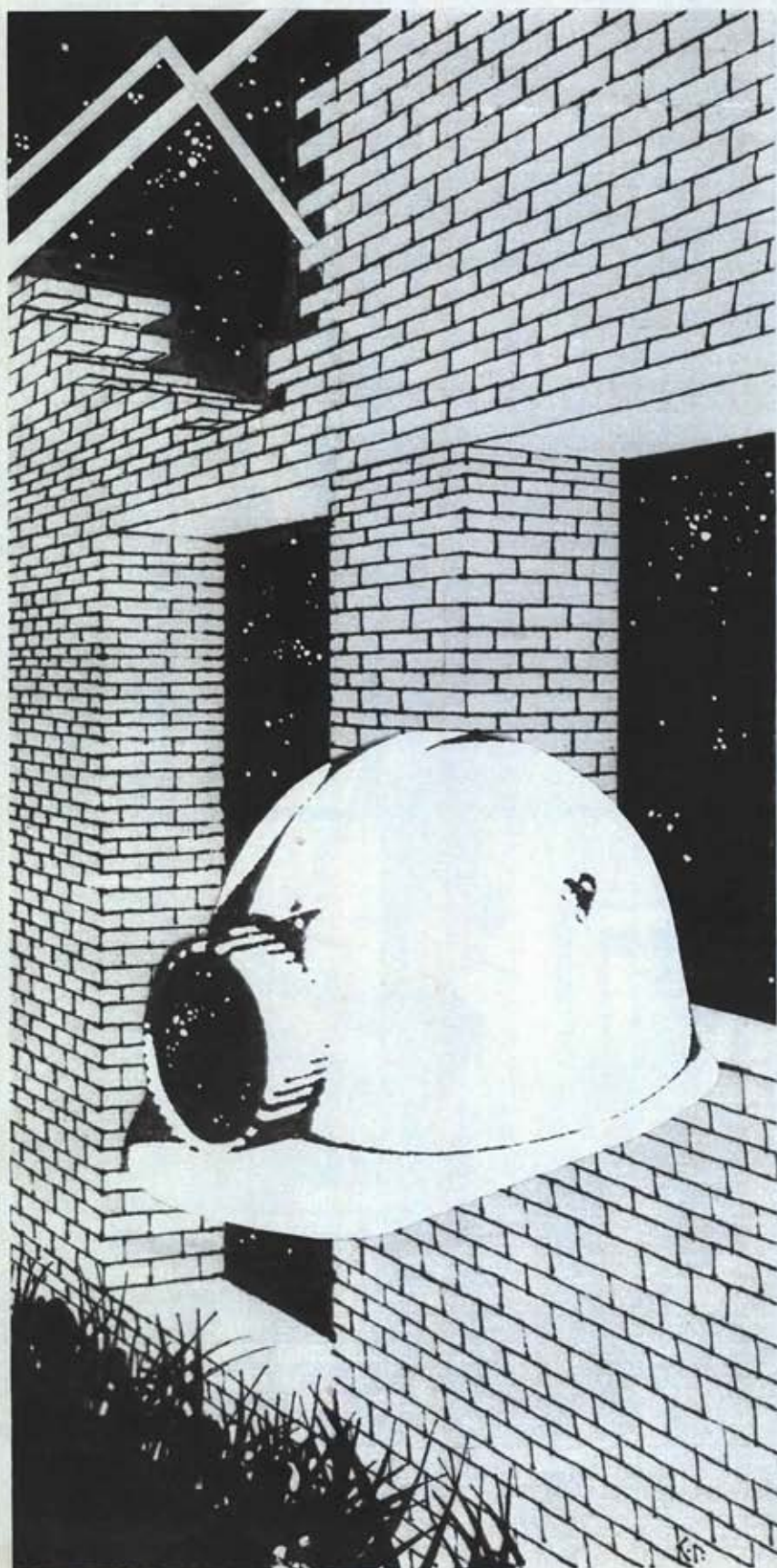

Рисунок Геннадия Корнышева

Два года на стене в этой маленькой комнате в черной рамке висит фотография темноволосого, худощавого парня с усами подковой...

Если б он был жив и если б я писал о нем очерк, то начал бы так.

Теплым сентябрьским утром Анатолий Плум стоял перед зеркалом и завязывал галстук. Тридцатидвухлетний почетный шахтер СССР, впервые надевший форменный костюм с серебряными галунами, с удовольствием смотрел на свое отражение. Сегодня он приглашен в школу, в третий класс, где учится его сын Руслан, рассказать на уроке природоведения про уголь.

Почетный шахтер взглянул на часы — пора. В тесном коридорчике он вдруг остановился, шумно вздохнул.

— А знаешь... — повернулся к жене, замялся, что-то решая. — Накину-ка я сверху плащ!

Он улыбнулся, чмокнул жену в щеку, подмигнул ей, дескать, ничего, не переживай, чего раньше времени-то фасонить, в школе я плащ обязательно сниму, предстану во всем блеске, — и пулей, чтоб не слышать привычных поучений о ложной скромности, вылетел из дома.

Пройдет два года со дня гибели отца, и в День шахтера одиннадцатилетний Руслан задаст матери не детский вопрос, на который ей будет очень трудно ответить: «Почему в праздник горняков никто не вспомнил про папу и про нас?»

Шестого октября 1984 года Анатолий Плум с двумя своими товарищами спустился в лаву. Он собирался поработать ударно. Однако думать, что только накануне Дня Конституции он хотел поработать ударно, будет несправедливо: так он трудился каждый день. В 1981 году городская газета «Енакиевский рабочий» писала: «Этого молодого забойщика знает весь город, ежемесячно он выполняет норму на 130—150 процентов. Встречая XXVI съезд КПСС, Анатолий Плум установил рекорд — за смену нарубил 168 тонн угля, что составляет 1867 процентов плана».

Одиннадцатую пятилетку он выполнил за два с половиной года.

Утром Алла увидела на холодильнике ключ от дома, оставленный мужем. Еще подумала: никогда не забывал, а сегодня забыл. Неприятное предчувствие кольнуло сердце, но она тут же отогнала худую мысль...

Та лава считалась очень сложной. Но кому, как не ему, лучшему забойщику шахты, могли поручить эту ответственную работу?

Он рубил уголь и не чувствовал усталости.

Ребята из его бригады рассказывали мне: он удивительно работал, уголь из-под его молотка струился рекой.

Горный мастер, заметив приближающуюся опасность — «лава плохо себя вела», — перекрыл воздух, подаваемый на отбойные молотки. Это было сигнала

лом подняться на поверхность. Вылез один Плум, в пыли выразил свое несогласие с мастером и попросил включить воздух. Воздух включили, Плум вернулся в забой.

Смена уже близилась к концу, когда неожиданно произошел выброс газа и угля в лаве. Трое шахтеров оказались заживо погребенными.

Алла ждала мужа с работы. Настроение было неважное. Включила телевизор. Толик уже должен бы прийти. Она сняла трубку и набрала номер «лампного двора» (место, где шахтеры получают, а после смены сдают свои лампы).

— Номер 253 поднялся?

— Еще нет.

— Как?! Что случилось?!

— Просто задержка.

Но это была не просто задержка. На шахте уже знали об аварии, были отданы все необходимые распоряжения. Горноспасатели приступили к своей тяжелой и опасной работе. Хотелось на что-то надеяться, но все понимали, что надежд практически нет.

«Просто задержка». Ну, слава богу, подумала Алла, значит, скоро вернется. Прилегла. Чутко прислушивалась к тихим вечерним звукам. Вот под окнами остановилась машина. Наверное, кто-то подвез Толика до дома. Шаги в подъезде, на лестнице. Осторожный звонок. Ну, правильно, он же ключи забыл. Пошла открывать. Сейчас он сполна получит за свои задержки! Открыла дверь и, специально повернувшись спиной, не глядя, пошла было в комнату, как что-то вдруг заставило ее обернуться.

На пороге стояли две женщины и мужчина. Мгновенно все поняла. Закричала: «Погиб?...»

Ее стали успокаивать: еще ничего не известно, ведутся спасательные работы...

Сердце не хотело верить. Ведь и раньше случались аварии, и люди оставались живы. Не всегда, правда, но оставались же!.. Ей бросили соломинку. На, хватайся за нее, держись до последнего. Конечно же, его откапают. Как же она могла подумать иначе!.. Он выживет, обязательно выживет, он жилистый, он всегда говорил: «Со мной ничего не случится».

«...Кажется, я тебя и сегодня не дождусь. Если вдруг придете без меня, — борщ в холодильнике, биточки в кастрюльке на печке, правда, не очень хорошие получились, там же ракушки. Я без вас сойду с ума. Не могу ни спать, ни есть, ни работать. И боюсь уйти из дома: жду вас каждую минуту».

«...Вот и сегодня ты не пришла. Милая моя, я не знаю, что мне делать, как быть. Завтра, после работы, я еду еще раз домой, а потом поеду к матери, больше ждать не могу. Родные мои, что сейчас вы делаете, хоть чуть-чуть думаете обо мне?... Только ты не думай, что я подлизываюсь. Я тебя так люблю, так люблю... Все. Еду вас искать». (Это из записок Анатолия

Владислав РОМАНОВ

Если человек талантлив, то он талантлив во всем, ну, может быть, почти во всем. Владислав Романов был незаурядным руководителем самодеятельности в сельских домах культуры Подмосковья и Западной Сибири, преподавателем на селе. Это уже после того, как отслужил в Советской Армии, успел поработать мотористом и окончить Институт культуры. А потом он учился во ВГИКе, много ездил по Сибири и Алтаю как кинодокументалист. Уроженец Урала (он родился в Перми), Романов вернулся к родным пенатам, начал работать на Свердловской киностудии и писать. Его сценарии, сначала документальных, затем и игровых фильмов, и пьесы сразу привлекли внимание (например, сценарий фильма «Покушение на ГОЗЛРО»), а он обратился к прозе, приступив к работе над романом на историческую тему. Думаю, не случайно свой первый рассказ Романов послал в «Смену», журнал, отличающийся вниманием к молодым авторам. Надеюсь, читатели оценят эту попытку исследования женского характера.

Геннадий БОКАРЕВ

«Э» х, Оленька, светлая душа,— расчувствовавшись на проводах, говорила бывшая начальница Виолетта Петровна,— мужа бы тебе хорошего, и больше ничего не надо!..»

И все, кто встречался с ней, с Оленькой, и успевал полюбить за краткий миг знакомства, а не полюбить ее было невозможно, желали ей того же самого. Маленькая, с сияющими глазками, припухлыми губками, она каждого встречала той кроткой улыбкой, которая, казалось, говорила всем: я так счастлива, что вас встретила, что большего счастья мне и не надо! И умный, слегка потрепанный невзгодами мужчина, узнавая, что Оленька не замужем, в горести всплескивал руками и вздыхал: эх, кабы раньше на годок ее встретить!..

После Виолетты Петровны начальницей ОТИЗа, важного отдела труда и заработной платы, стала Оленька. Впрочем, в этом никто и не сомневался, ибо уже при Виолетте Петровне все сложные вопросы решала Оленька, и добрая душой Виолетта умиленно говорила всем: я за Оленькой как за каменной стеной, хоть сейчас иди на пенсию! И к Оленьке привыкли, с ней все и решали да дивились: ну как никто не видит, что за прелесть эта Оленька, что за дар судьбы, да будь я мужчиной!.. Женщины вскрикивали от восторгов, у Оленьки румянились щеки, и она только отмахивалась ручкой: ну уж, скажете тоже!

И в соседних отделах — плановом, бухгалтерии незлобно судачили: чего-де тянет с замужеством?.. Тридцать один год, теперь уж и положение есть, а Оленька, не успев сделаться начальницей, стала членом профкома НИИЗМКа. Оленька отнекивалась, смущалась, но все говорила: помилуйте, Ольга Иванна, кого же, если не вас?!

Она грустно вздыхала, улыбалась устало; иногда вдруг подолгу смотрела в окно... И что-то накатывало необъяснимо тоскливое, и слезы появлялись на глазах ни с того ни с сего, хотя все вокруг складывалось как нельзя лучше, все сулило удачливую жизнь, а жизнь эта не приходила и не приходила.

Отец оставил их с матерью давно, и мать Оленьки, казалось, уже поставила крест на своей личной жизни, как вдруг неожиданно влюбилась и вышла замуж за человека, с которым познакомилась в Крыму, на курорте, да еще с каким человеком — начальником главка, вдовцом.— и уехала к нему в столицу, став хозяйкой шикарной трехкомнатной квартиры, дачи, автомобиля, домработницы, оставив двухком-

ОЛЕНЬКА, СВЕТЛАЯ ДУША

Рассказ

натную дочери и взяв с нее слово, что она обязательно выйдет замуж или хотя бы родит ребенка. Впрочем, советовали все, но никто не говорил, как это сделать. Написать объявление в газету? Светлая шатенка, тридцать один год, с лучистыми серыми глазами, обаятельная, переполненная добротой и нежностью, никогда не бывавшая замужем (уже подозрительно!) девушка (а это писать просто стыдно в ее-то годы!), готова составить счастье с человеком не старше сорока лет, без вредных привычек, доброго и отзывчивого, жилплощадью обеспечена. Так?.. Можно написать проще: «Если вы устали от одиночества и томительного холостяцкого житья, если истосковались по уюту, вкусным обедам и верному нежному другу, то давайте познакомимся...»

Время, которое называют лучшим лекарем, бывает жестоким и безжалостным. Прошел год, потом еще один. За это время у Ольги Ивановны случился легкий роман с женатым человеком, столь легкий, что дальше ухаживаний и робкого поцелуя дело не пошло, а он ей признался потом, что хотел вскружить голову, да пожалел. Да-да, пожалел, потому что глубоко ее уважает как человека и не хочет приносить ей лишних страданий. А были ли у нее «лишние страдания»? У нее вообще никаких страданий по любовной части не было, так что она была бы просто благодарна ему за них, но эти мысли пробежали уже потом, скользнули насмешливо, ибо ухажер ей нравился, и она сама была готова броситься в зеленую пойму греха, да вот ее пожалели... Страшно как!..

Ей стукнуло тридцать три. Жизнь по-прежнему катилась легко, без натуги, но и без приключений.

Из близких подруг — Лидочка Долгова, она замужем за Костей, тренером по плаванию, да Наташка Прокушева. Последняя на год моложе Оленьки, тоже не замужем, хотя замужем уже побывала да еще года два у нее тянулся роман с одним женатиком — инженером Боковым. Наташка работала в похоронном бюро, все могла достать, все обо всех знала и вообще всеми командовала.

— Тебе лучше,— вздыхала Оленька на своей чистой кухне, чему Наташка зверски завидовала и говорила, что если б у нее была такая уютная квартира, то она бы не только Бокова, но и Аллена Делона живо бы окрутила.

Наташка дымилась, как паровоз, одну сигарету за другой, и у хозяйки кружилась голова, но разговор был такой животрепещущий, что о голове вспоминала в последнюю очередь.

— Да уж, любовь! — зло отмахивалась Наташка.— Забежит на два часа, как вор, и, язык высунув, на дверь смотрит!..

— Что поделаешь, если жена ревнивая... — ласково улыбалась Оленька.

— Пора завязывать, надоело! — решительно говорила Наташка, хотя Оленька чувствовала, что говорит это для нее и что роман будет тянуться до тех пор, пока сам Боков ее не бросит. Любовь — тайна...

В последний месяц произошли события, которые очень расстроили Оленьку. К ней стал приставать Костя. Он и раньше посматривал на нее плотоядно, шептал всякие липкие слова, приговаривая: «Ух ты, симпомпончик пухленький, так бы и съел!» — а неделю назад заявился с шампанским и сразу же в коридоре полез целоваться. Оленька растерялась и пока соображала, как деликатнее остановить Костю, он проявил такую прыть, что она вынуждена была повысить голос, иначе бы вообще неизвестно, чем все кончилось.

Оленька опомнилась, заплакала, а Костя, этот циничный Костя, который, не стесняясь, рассказывал при ней всякие неприличные анекдоты и даже не выбрал выражения (нарочно, как казалось ей, рассказывал!), вдруг упал на колени и стал просить прощения. Он стоял на коленях до тех пор, пока она не улыбнулась и сама силой не подняла его.

Она долго ждала, когда он уйдет, а он не уходил и все время говорил о любви. Он был красивый, сильный, этот Костя, темноволосый, с голубыми глазами,

крупными чертами лица, полными розовыми губами, женщины так и липли к нему в его бассейне, и Лидочка места себе не находила. Извелась, похудела так, что превратилась в щепку, увяла, подурнела, вдруг пошли веснушки, коих до сих пор не было, лицо как бы порябело, глаза потухли, в них заискрился злобный огонек, и, конечно же, думала Оленька, Костя не мог не увидеть этого, оттого-то и начал погуливать. Но двое детей, куда от них денешься, а Лидка, понимая, что Костя никуда не уйдет, еще больше остервенелась, следила за ним, шарилась в карманах, даже написала на работу, где смотрели на его шапки с пловчихой Бобровой сквозь пальцы. Гайки закрутили, Костя присмирел, но отношения в семье стали еще хуже.

Костя ушел, а Оленька проплакала весь вечер, не стала даже смотреть «Вечный зов», решив завтра в обед встретиться с Лидочкой и все ей рассказать, хотя Костя взял с нее слово, что она сохранит его приход в тайне. Но как жить с такой ужасной мукой в душе, как смотреть в глаза Лидочке?!

Наташка не любила Лидочку, а Лидочка не жаловала Наташку, хотя все трое дружили со школы и по праздникам всегда собирались вместе.

— Я просто удивляюсь, как он с ней до сих пор живет? — приходя к Оленьке и смолая одну сигарету за другой, из-за чего Оленька белила свою кухню два раза в год, сплетничала Наташка.— Ты посмотри на нее: кожа да кости! А как одевается?! Да она просто запустила себя! Это при таком-то мужике, при котором надо держать себя ой-ё-ёй! А она вечно стонет, болеет — жуть! Я понимаю Костю! Еще бы, такой мужик да не нравился бабам! Да я бы, не моргнув, его увела!.. Если б, конечно, мы не дружили...

Оленька соглашалась с Наташкой, но в том-то и дело, что они дружили, а предать подругу, да еще в таком деле, — хуже нет! Даже Наташка рассказывала, как однажды Костя, перебрал на дне рождения, зажал ее в детской и «колобродил ручонками».

— Терпеть не могу пьяных! — вздыхала Наташка.— Хотя я его понимаю: при такой жене на подруг будешь бросаться!

Оленька неделю промучилась угрызениями совести и, не выдержав, пошла к Долговым. Но на ее несчастье Лидочки дома не оказалось, а Костя опять, улучив момент, крепко обнял ее и поцеловал, зашептал о любви, и Оленька вся покраснелась и ушла. Ну что делать, думала она, больше никогда не приходиться, не звонить, разорвать отношения со старой подругой? Наташка, которую Оленька посвятила в свою беду, решительно сказала: Лидке говорить не стоит, только хуже будет! Да и как скажешь? Что Костя пристаёт?! Но он особенно и не пристаёт, робеет, два раза всего и поцеловал, ну, три, а так лишь говорит о любви, но говорит хорошо...

— Ну что ты тянешь, что тянешь?! — всегда говорила ей Наташка.— Полный институт мужиков! Да запусти тудя меня, я бы живо нашла самого лучшего и на цепь семейную посадила! Что они хоть изучают?..

— Электромагнитные колебания... — вздыхала Оленька.

— Во! То, что надо! Значит, дома никаких тебе разговоров о работе! А у меня что?! Сегодня один вдовец предлагал руку и сердце. В соседней комнате жена в гробу лежит, я услуги оформляю, а он: вы замужем? Я говорю: нет.— Наташка закурила.— он замывает, оглядел меня, а я тут же все усекла, знаешь, взгляд профессиональный, сколько я стою со всем своим барахлом, ну вот, он оглядел, пожевал губами, вздохнул и говорит...

Оленька сидела, замерев, широко раскрыв свои очаровательные серые глазки, порозовев, точно речь шла о ней, будто к ней так примерялись, а Наташка не торопилась, нагнетала напряжение.

— Ну, вот, вздохнул и говорит: я, конечно, понимаю, что я не самая лучшая партия для вас. А мужику семьдесят лет!..

— Обалдеть! — прошептала Оленька.

Сердце у нее забилося, один раз в ресторане к ней вот так же подошел красивый пожилой мужчина лет

пятидесяти и говорит: а что, если нам завтра встретиться? Но Оленька тогда испугалась и, пообещав встретиться, конечно же, никуда не пошла...

— Ну вот, семьдесят лет, но крепкий еще такой, породистый!.. Ну вот, он и говорит: я для вас не самая лучшая партия, но у меня есть некоторые достоинства, которые тоже стоят немало. Мне осталось недолго жить, я это сознаю, и жалко отдавать такую квартиру в 54 метра государству, у вас ведь, насколько я знаю, комната в коммуналке, не так ли?.. Я обалдела!— Наташка выпучила глаза, да и у Оленьки от таких событий перехватило дух.— Я обалдела, но вида, естественно, не подаю. Да, говорю, а что?! А он: да нет, ничего. Просто ту комнату и эту квартиру можно обменять на пятикомнатную, а потом, не въезжая, снова на трехкомнатную, получив хорошие деньги за излишки, не так ли?.. Я молчу, а он продолжает. Впрочем, говорит, не в этом дело. Условия мои таковы: я после регистрации кладу на вашу сберегательную книжку пятнадцать тысяч. Машина у меня есть, я подарю ее тоже вам, кроме того, к свадьбе драгоценности жены на общую сумму двадцать пять тысяч также станут ваши. Что вы будете с ними делать, мне все равно. Что мне нужно?.. Хорошая, вкусная пища, забота, немножко тепла, нежности, и я сделаю завещание на вас, а там... Впрочем, не в этом дело. Он тут заулыбался и говорит: не думайте, что кандидатур на должность моей жены у меня нет. Их слишком много, я этого и боюсь. А вы мне нравитесь, да и, кроме того, я вижу, вы достойны большего. Поэтому я жду вашего решения сорок дней. Расплачиваясь, он мне дал лишнюю двадцатипятирублевку...

— Ты взяла?— прошептала Оленька.

— Да, а что?— удивилась Наташка.

— Это же взятка!— рубанула Оленька.

— Какая взятка?— не поняла Наташка.— Это обычная благодарность. Некоторые норовят вещи всунуть. Одна бабуся мне пыталась брюки своего старика всучить. Говорит, сейчас все в брюках ходит, так возьми, милая, я-то все равно их не надену, а продавать сил нет идти!.. Он даже обнять меня попытался...

— Кто?!— воскликнула Оленька.

— Ну, старик этот... Он такой еще крепкий...

— Обалдеть!— прошептала Оленька.— И что ты решила?..

— Ничего я не решила.— Наташка схватилась за сигареты, закурила.— Но он крепкий, паразит, лет пятнадцать, как пить дать, протянет!

— Тебе будет под пятьдесят.— вздохнула Оленька.

— В том-то и дело!— грустно сказала Наташка.— А так бы не задумываясь...— Наташка мечтательно улыbnулась.— Было бы восемнадцать!

— Ты что?!— удивилась Оленька.— Разве можно?!

— Можно!— сердито сказала Наташка.— Что толку в том, что я прожила тридцать пять лет?! Ни молодости, ни квартиры, ни денег! Юбку причинную купить не могу! Э, да что говорить!

И снова потекли дни. Оленька их не замечала, она работала. В институте не дали квартиру талантливому физики Юртайкину. У него родился второй ребенок, а жил Юртайкин в комнате общежития и теперь, отчаявшись, подал заявление об уходе. «На стройку пойду»,— сказал он. Оленька возмутилась, пошла к директору, накричала на него, заявив, что если директор не перестроится, то она как член профкома поставит вопрос о его соответствии. Директор струснул, выбросил из списков снабженца Тюкина, с которым он был вась-вась, и включил Юртайкина. Об этом узнал весь институт, все ее поздравляли, желали найти хорошего мужа, а Юртайкин даже купил цветы и, покраснев, пошутил, что, если б не двое детей, он бы бросил жену и влюбился в Оленьку, потому что такая женщина, как она, встречается раз в жизни и надо благода-

рить судьбу за такое счастье видеть ее хотя бы изредка... Словом, кто только не заходил к Оленьке и не говорил ей хороших слов, а завлаб Костюков, известный сердцеед, известил Ольгу Ивановну, что начинает ее соблазнять со вторника, так как во вторник зарплата. И он— всерьез— купил два билета в театр, но так как все это происходило на глазах ее подчиненных, то Ольга Ивановна сразу же отказалась и сурово заметила Костюкову, что всему есть предел, а подобным шуткам тем более, после чего Костюкова раскритиковали в местной газете. А Костюков был не женат, и Ольга Ивановна даже подумала: а вдруг она поступила неправильно и прошла мимо своего счастья? Но в самый разгар этих событий, когда Оленька хотела уж было извиниться перед Костюковым за то, что его раскритиковали в газете, ибо не она была причиной сатир, направленных на него, неожиданно позвонила Лидочка, которая куда-то пропала, и сказала, что зайдет. Оленька обрадовалась: она и думать забыла о Косте, его приставаниях, а как приятно поболтать вечером со старой подругой. Оленька купила торт, любимый Лидочкин, «Прагу», и, встретив ее, бросилась на шею. Но Лидочка холодно поцеловала Оленьку в ответ, возвратила ей старую авоську, которую брала года три назад, и вытащила сигареты.

— Ты чего это?— удивилась Оленька.

— Да так.— отмахнулась Лидочка, насмешливо кривясь всем некрасивым длинным лицом.— Не от хорошей жизни, конечно...

— Ой, а у Наташки что!— принялась рассказывать Оленька, но Лидочка ее не слушала.

Вскипел чайник, Оленька налила крепкий, свежезаваренный чай, продолжая живописать страшную историю про Наташку и разрезая торт, положила Лидочке самый большой кусок, и Лидочка, слушая ее, принялась есть.

— Да что я все про Наташку, у тебя-то как?— спросила Оленька.

— Так...— Лидочка чуть не расплакалась.

— С Костей олять?..

Лидочка кивнула. Вытащила платок, высморкалась и снова принялась за торт.

— Давай, давай, выкладывай!— потребовала Оленька.— Мы найдем на него управу. Он что у тебя, олять с этой пловчихой сошелся? Как ее, я забыла...

— Боброва...— подсказала Лидочка.

— Во-во! Хочешь, я сама к ней схожу, поговорю?

— Да нет, он ни на кого не смотрит.— Лидочка снова достала платок.

— Пьет?— тихо спросила Оленька.

— Да нет...— Лидочка взяла еще кусок «Праги».

— Ешь-ешь!— Оленька подлила ей чаю.— Может, руки распускает?..

— Да нет. Не пьет, не бьет, не изменяет...

— А что же тогда?— удивилась Оленька, тоже стала есть торт и запачкала нос в креме. Лидочка улыбнулась.— Что с ним происходит?!

— Собрал вещи и сказал, что жить не может без тебя, хоть убей!..

Оленька подавилась тортом и побежала в ванную. Возвратилась она минут через десять, бледная, потрясенная новостью.

— Он же к тебе приходил, на колени вставал... С шампанским...— Лидочка снова заплакала.— Приходил ведь?— спросила Лидочка.

— П-п-приходил,— краснея, точно ее уличили во лжи, проговорила Оленька.

— Ну, вот...— Лидочка замолчала.

Несколько минут они обе молчали. Оленька смотрела в окно, шел мелкий дождик, и сторож гаража подметал двор.

— Вещи свои собрал, сидит в маленькой комнате и ждет...— проговорила Лидочка.— Не ест...

— Чего ждет?— не поняла Оленька.

— Ждет, когда ты позовешь,— вздохнула Лидочка.

— А я не позову!— вдруг возмутилась Оленька.— С чего это он взял?!

— Он же приходил с шампанским, вставал на колени,— пожал плечами Лидочка.

— Ну и что? Ну и что?!— ответила Оленька.— Мало ли кто ко мне приходит и встает на колени! Это безобразие! Хамство какое-то! Да что он вбил себе в голову?!

— Он говорит, что приставал к тебе и целовал... Даже у меня в доме, когда ты приходила...— Губы у Лидочки задрожали.— Это правда?..

Оленька, ошарашенная такими сведениями, даже не могла вымолвить слова в ответ. «Это ж надо,— вдруг со злостью подумала она,— так оклеветать меня перед подругой! Получается, что я нарочно приходила к ним домой, чтоб с ним целоваться?» Она чуть не заплакала от обиды.

— Это правда?!— спросила Лидочка.

— Да...— заплакав, прошептала Оленька.

Заплакала и Лидочка.

— Но я пришла не для этого!— сквозь слезы говорила Оленька.— Я приходила... наоборот... чтобы все рассказать тебе, как случилось, когда он пришел ко мне с шампанским, но тебя не было, я хотела уйти, но он раздел меня...

— Как раздел?!— вскрикнула Лидочка.

— Пальто снял и стал целовать!— Оленька завывала в голос.

— Ну, хватит!— вытерев слезы, сказала Лидочка.— В конечном счете не это главное...

— Как же не это?— всхлипывая, спрашивала Оленька.

— Вот именно не это!— Лидочка принялась за торт.

— А что же?— не поняла Оленька.

— Любит он тебя,— вздохнула Лидочка, доедая третий кусок «Праги».

— Хочешь, я с ним поговорю?— предложила Оленька.

— Нет, вот этого не надо!— сказала Лидочка.— Ты скажи мне, ты его правда не любишь?.. Ну, то есть, он тебе ни капельки не нравится?..

— Я его не люблю, конечно!— расширив в ужасе глаза, проговорила Оленька.— Я после этого видеть его не хочу!— закричала Оленька.

— Ну вот, хоть это хорошо,— сказала Лидочка и, подумав, взяла еще кусок торта.

— Ох, распустила ты его, Лидка! Ох, распустила! Ну, надо же, влюбился он! Мало дури в голове, что ли?! Отдубасить как следует скалкой по спине, и вся любовь из головы вылетит!— решительно заявила Оленька.

Лидочка, оторопев, удивленно смотрела на подружку.

— Ты чего это?..— усмехнулась Лидочка.— Он действительно в тебя влюблен, сердцу не прикажешь...— Лидочка помолчала.— Он интересный, красивый еще мужчина, а я... Я ведь все понимаю... Даже бы не обиделась, если б у вас... ну, если б у вас все действительно серьезно было...— Лидочка заморгала красными глазами, отвернулась к окну.— Если, конечно, ты его не любишь, это меняет дело...

— Ох, Лидка, Лидка,— покачала головой Оленька.— С мужиками знаешь надо как?!— И Оленька многозначительно потрясла в воздухе кулачком. Она и в самом деле, казалось, знала, как надо держать мужиков, чтобы они по одной половине ходили.

Костя пришел на следующий день вечером торжественный, с цветами и шампанским. Оленька как раз занялась стиркой и не ждала никого. Она и дверь открыла лишь потому, что просила соседку Анну Григорьевну купить ей хлеба, если той вздумается пойти в магазин. Увидев Костю, Оленька онемела, а он, воспользовавшись этим, вошел в прихожую, сунул хозяйке цветы, и она взяла их. Опомнилась, когда Костя уже сидел на кухне и открывал шампанское.

— Ну уж нет!— вскричала она, выхватила шампанское и унесла его в комнату.— Я не позволю в моей квартире пьянствовать!— решительно заявила она.

— Что с тобой?— удивился он.— Я же и пьянствовать не собирался... У меня день рождения сегодня...

— Как день рождения?..— не поняла Оленька.

— Ты что, забыла, август же на дворе...

— А как же Лидка?— не поняла Оленька.— Она же была вчера у меня!..

— Я знаю, она мне рассказала...— Костя грустно улыбнулся.— Сказала, что ты меня не любишь... Не говори ничего, хорошо? Не надо! Я понимаю, это непорядочно с моей стороны бросать жену, двоих детей, непорядочно влюбиться в близкую подругу жены, я не к тому, я хотел узнать, она что, рассказывала, как я приставал к тебе, целовал, да?!

— Да...— прошептала Оленька.

— Я так и знал!— вздохнул Костя.— Я рассказал ей это к тому, чтобы тебя обелить, рассказать, какой я подлец и какая ты удивительная, а она все, значит, наоборот... И еще я пришел сказать, что вовсе не с бухты-барухты влюбился, как говорит Лидия Евгеньевна, а влюбился в тебя, как только увидел. А увидел, как ты помнишь, уже на свадьбе. И сразу понял, что совершил ошибку. Но что было делать? Не выпрыгивать же в окно, как этот, кого недавно по телевизору показывали, из Гоголя, что ли... Потом ребенок родился, потом второй. Я крутил направо и налево с кем попало, старался забыть...— Костя выдохнул воздух, ослабил узел галстука.— Смешно, да? Что делать? Стоило мне только увидеть тебя, как я... ну, сам не свой, на стенку лез, чтобы тебе понравиться, ты вспомни, вспомни, только все без толку. Вот и стал приставать. Сил уже не было. Знал, что глупость делаю, а унять себя не могу. Даже к Наташке раз пристал, а она говорит: ну, приходи завтра днем. Я пришел, она дома... Стыдно. Не перед женой, перед тобой стыдно! Слово тебе изменил! Потом уж Наташка проходу не давала: приходи да приходи, а я не могу. Отстала, когда поняла...— Костя запнулся, взглянув на Оленьку.

Она сидела с широко раскрытыми глазами, уставясь на него, точно и впрямь узнала об измене любимого.

— Что с тобой?— удивился Костя.

— Это правда... о Наташке?..

Костя понял, что спорил глупость, открыв ей эту связь, и молчал.

— Да не было ничего, это я так, наговариваю на себя,— вздохнул он.

— Чаю хочешь?— спросила она.

— Нет... Давай шампанского выпьем, а?..

Оленька подумала и отрицательно покачала головой.

— Я быстро пьянею и становлюсь глупой, да и тебе не нужно пить... Ты же тренер. А тренеры не пьют!— Оленька не выдержала и заплакала.— Уходи, пожалуйста, Костя,— сквозь слезы проговорила Оленька.— Я очень прошу тебя, уходи, пожалуйста, мне очень плохо, ты же видишь!— Она закрыла лицо руками, встала, ушла в ванную. А он сидел, моргал глазами. Потом поднялся и тоже ушел, крикнув на прощание, что любит и жить без нее не будет. Оленька сидела, запершись в ванной, и плакала. Ей нравился Костя, но разве можно построить счастье на несчастье другого, тем более близкой подруги, нет, все это ужасно, ужасно, и она, Оленька, никогда на это не пойдет.

Перед сном, уже успокоившись, она долго стояла перед большим зеркалом, внимательно разглядывая себя в сумраке, и вспомнила словечко Кости «симптомчик пухленький», как он всегда ее называл. Боже, ей скоро уже тридцать четыре, и надо как можно быстрее самой влюбиться, броситься с головой в зеленый омут греха. В кого только влюбиться-то?

Прошло еще полгода. Костя вернулся к Лидочке. Лидочка, встретив Оленьку на улице, попросила ее пока не приходите к ним, чтобы Костя успокоился и больше не думал о ней. Оленька пообещала Лидочке не бывать у них, хоть и обиделась. Наташка неожиданно дала согласие своему вдовцу, долго переживала по этому поводу, но в последний миг перед свадьбой вдруг раздумала и сбежала. Выгнала своего Бокова и теперь почти каждый вечер пропадала у Оленьки, закуривая ее вусмерть. Время шло. Оленьке стукнуло тридцать пять, отмечали они вдвоем с Наташкой, и весь вечер Оленька проревела.

— Слушай,— не выдержав ее рева, смоля одну сигарету за другой на чистенькой Оленькиной кухне, сказала Наташка,— давай ухажеров заведем?

— Как это?— прервав слезы, спросила Оленька.

— Обыкновенно,— сказала Наташка.

Когда ей приходили в голову какие-нибудь сногшибательные идеи, она щурила свои нахально-зеленые глаза и поджимала и без того тонкие губы.

— Делаем просто: берем четыре билета на какой-нибудь потрясающий фильм,— загорелась Наташка.— Выбираем двух мальчиков получше и предлагаем им билеты!

— Ну и что?— не поняла Оленька.

— Что «что»?— удивилась Наташка.— Они идут с нами, садятся рядом, а дальше уж дело техники!— Какой техники?— порозовев, спросила Оленька.

— Ну, познакомиться, подружиться, пригласить к себе на чашку или рюмку чая...

— А дальше?..— затаив дыхание и побледнев, прошептала Оленька.

— Ну что ты глупые вопросы задаешь? Сама не понимаешь?!

— Нет!— потрясла головой Оленька.

— Видишь ли...— Наташка схватила сигарету.— Я пришла к окончательному выводу: хватит гоняться за мужем, надо побыстрее рожать ребенка! Пока не поздно! Иначе через два-три года и этого может не быть...

— А как же...— хрипло проговорила Оленька.

— Ты что, не понимаешь, что если сейчас, сегодня, завтра не родишь, то уже не родишь никогда! Ты это понимаешь?!— вдруг сорвавшись точно с цепи, закричала Наташка.— У тебя мозги-то есть или вместо них пластилин?! Да плевать на этих мужей! Стирай, корми, убажай, пошли к черту эти кобели, которые только и смотрят, как бы где малинки отведать! Нет! Хватит! Я рожую!

— От кого?!— выкрикнула Оленька.

— Выберу себе хорошенького, крепкого мальчика, красивенького, приглашу на ночь, а дальше уж дело техники!..

Оленька молчала, потрясенная.

— Но ведь мы их совсем не знаем...— тихо сказала она.

— Вот и хорошо!— ответила Наташка.— Меньше претензий!

— Но ведь они отцы наших детей...— пролепетала Оленька.

Наташка посмотрела на нее и, не выдержав, расхохоталась.

— Кто отцы?!— хохотала она.— Во-первых, надо еще родить, а во-вторых, чем меньше они будут знать о нас, тем лучше, тем меньше претензий в старости!..

— А что мы скажем потом детям?— всерьез, не понимая причин Наташкиного смеха, спросила Оленька.

— Скажем, что отец герой, погиб на боевом посту, спасая старое судно на экваторе!

— А фотография?!

— Время не оставило ни одной его фотографии!— парировала Наташка.

— А его родители?!— не отставала Оленька.

— Родители, увы!.. Вечная память! Никаких следов, а отец— герой! Ну что? Или другой вариант: отец— подлец, бросил нас маленьких, лучше о нем не вспоминать!..

Оленька, насупившись, молчала.

— Тебе ребенок нужен или муж?!— в упор спросила Наташка.— Мне лично— ребенок! И хватит об этом! Если так рассуждать, то лучше взять сироту из детского дома. А я хочу своего ребенка! Докатились уже! Дотянули до старческого возраста! Хватит!— неизвестно кому кричала Наташка, потом стихла, всплакнула.— Хоть что-то от жизни останется...

Оленька стала ее утешать и с ней полностью согласилась: действительно, хватит, надо рожать, в субботу и подыщем этих подлецов. Наташка ушла. Ночью Оленька проснулась в страшном волнении, вспомнив, что согласилась на Наташкину авантюру. Ей вдруг стало так стыдно, что у нее даже поднялась температура. Она приняла аспирин, дав себе слово, что завтра, не медля, откажется от подобных глупостей. Да и как она может: член профкома, которая сама осуждает на работе вот таких, подобных ей, лаборанточек, которые вступают во внебрачные связи с замужними электромагнитчиками, то есть с женатыми физиками, и уводят из семей честных и порядочных производственников! Как тебе-то, Ольга Ивановна, скажут ей члены парткома, самой-то было не стыдно пускаться в столь тяжкий грех, который несовместим со званием коммуниста! А? Или на работе проповедуешь одно, а дома другое? Двумичие, так сказать, развели?! Директор Колыхалов с розовыми, как у поросячка ушами, нальется праведным гневом, и, вспомнив историю с квартирами, уж всласть попляшет на ее моральном облике!..

— Какой пример вы подаете беспартийным женщинам, кто, подобно вам, не успел еще выйти замуж?! Это только представьте себе: все начнут вот так же, как вы?! Во что общество превратится?! А?!— кричал директор.— Или, вы считаете, необходимо распропагандировать ваш опыт?!

Оленька не выдержала и заплакала...

Так она и проснулась: плачущей навзрыд.

В «Мечте» шел фильм «В джазе только девушки». Фильм был старый, еще с Мэрилин Монро и Джеком Леммоном, однако билет Наташка достала по блату: директор «Мечты» две недели назад похоронил тещу. Как Оленька согласилась пойти, уму непостижимо. Наташка выдернула ее силком, закатив скандал.

— Если тебе это не нужно, пожалуйста!— кричала Наташка.— Сделай хотя бы для меня, если ты считаешь подругой! Хотя я считаю, что не надо быть дурой и ждать какого-то оборкота! Надо быстрее рожать и на порог больше мужиков не пускать!..

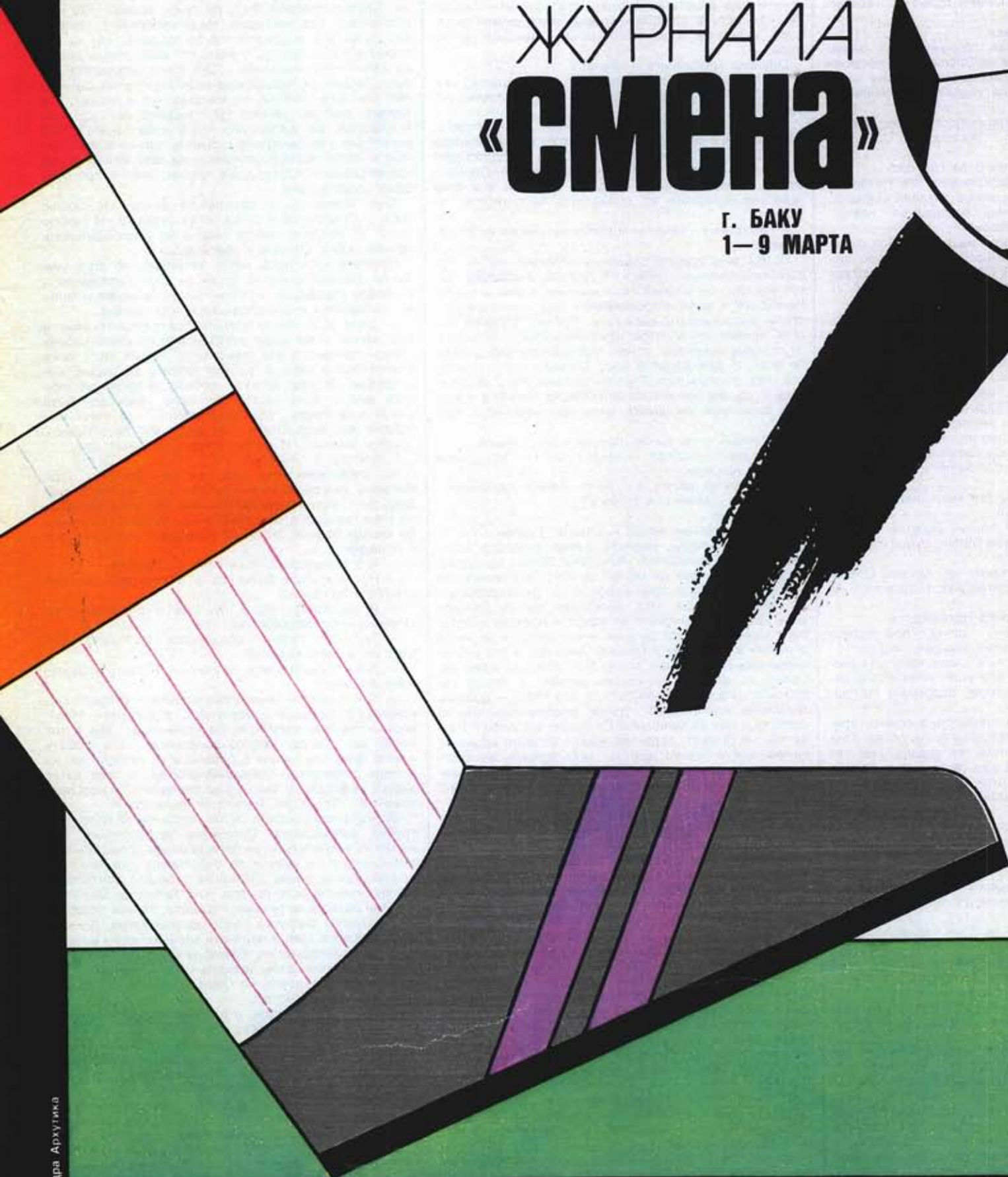
Доводы о дружбе возымели действие, и Оленька согласилась.

Они пришли рано, за полчаса, и Наташка тотчас начала рыскать глазами по толпе. Безбилетников,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮНОШЕ

НА
ПРИВ
ЖУРНАЛА
«СМЕНА»

г. БАКУ
1-9 МАРТА

СКИЙ ФУТБОЛЬНЫЙ ТУРНИР

Футбол миру, как известно, в свое время подарили англичане. И мир сначала подарил этот с радостью принял, а потом вдруг со всех сторон начал посягать на казавшийся вроде неоспоримым приоритет британцев. Правда, никто не мешал графству Эдинбург гордиться тем, что именно в его летописи триста пятнадцать лет назад встретилось первое письменное упоминание о футболе, но ведь, скажем, в Китае в IV веке до нашей эры была известна игра под названием «Тсю-чин», пусть и весьма отдаленно, но на футбол похожая. И каждый из любителей поспорить горячо отстаивает свою точку зрения. Едва ли можно встретить человека, хоть раз в жизни не ударившего ногой по мячу. Если такой и отыщется — значит, он вратарю, которому определено играть руками. И он играл, будьте уверены. Какие-то чудачки подсчитали, что каждую секунду над нашей планетой зависает почти полмиллиона мячей.

Вы представляете, сколько человек, задрав головы, ждут их приземления?!

Играют в футбол на идеально подстриженном изумрудном газоне и кочковатом пыльном пустыре, под крышей величественного зимнего маже и на заснеженном квадратном

официальных, включенных в календарь мировой или Европейской федерации, оказывается, не так уж и много.

Один из них в первый день весны стартует в Баку. Международный юношеский турнир сборных команд на приз журнала «Смена». Лучшие 16-летние футболисты семи европейских государств померятся силами на стадионах Азербайджана.

Юношеские международные, проходящие ранней весной на юге нашей страны, насчитывают уже полтора десятка лет своей истории. Знаете, кто за это время впервые горделиво примерил майки с белой надписью «СССР» на груди? Блохин, Буряк, Гуцаев, Газзаев, Бубнов, Шенгелия, Дараселия, Бессонов, Баль, Хидиятуллин, Родионов, Литовченко, Протасов, Добровольский! Практически каждая весна дарит нам открытия. Что-то принесет грядущая? Чем запомнится сменовский турнир?

Они незабываемы, игры в юности. Сегодня на счету заслуженного мастера спорта СССР Олега Блохина уже свыше семисот матчей, проведенных под флагом киевского «Динамо» и сборной страны. Во взрослом, естественно, футболе. И около трехсот забитых в них голов. Но навсегда, оказывается, врезаются в память далекие-далекие игры и не забитые в них мячи.

— Не поверите, пятнадцать лет уже прошло, а то обидное поражение

фото Евгения Мирянского

ничьей... И по окончании матча защитник соперников Владимир Юркевич, забивший тот самый злополучный гол в Ашхабаде, похлопав меня по плечу, сказал: «Не расстраивайся, Олег. Как знать, может, вы уступили будущим чемпионам Европы?» И что же вы думаете — несколько месяцев спустя золотые медали были действительно вручены сборной ЧССР...

Но не только победами и поражениями — продолжает Олег. — памяты мне матчи юности. Участвуя в них, я познал настоящую цену товариществу, взаимовыручке, чувству локтя на поле и за его пределами. Дружба, завязавшаяся у меня с тех пор со многими из моих первых партнеров и соперников, выдержав испытание временем, продолжается и поныне.

Сейчас, когда патронаж над международным весенним турниром взял журнал «Смена», уделяющий много внимания проблемам молодежи и юношества, участие в нем, не сом-

неваюсь, будет еще более почетным и памятным для ребят. Внимательно следите за турниром будем и мы, теперь ветераны. Смотреть и немного завидовать своей смене...

— Участие журнала в организации юношеского соревнования, несомненно, еще выше поднимет его престиж. — считает один из лауреатов последнего весеннего розыгрыша, самый яркий новичок прошлогоднего первенства СССР, московский динамовец Игорь Добровольский. — Мне немало довелось поиграть в турнирах юниоров, и смело могу сказать, что игра, которую мы показывали — озорная, задорная, радостная, — нравилась зрителям. Иначе не собирали бы наши матчи полные трибуны. И реклама была хорошая, и пресса нами интересовалась. Но только — местная. Исключение составлял лишь зимний турнир «Недели». Но мы ведь под флагом сборной страны выступаем! И потому не только для жителей одного города такие игры должны быть праздником. Это во мне не обидя за невнимание к своей команде говорит. Нам, молодым, порой так необходимо бывает услышать авторитетные отзывы о своей игре, узнать мнения специалистов. Пусть даже не всегда положительные. Крылья вырастают, когда твою игру замечают. Знаете, как приятно сознавать, что сотрудники и читатели популярного журнала — болельщики. Твои и команды. Словом, футбольные.

...Появляясь из загадочного тоннеля под трибунами, они чуть расслабленной трусцой бегут к центру поля. Еще совсем мальчишки. Кажется, если и есть в этой компании взрослый человек, то это — судья. Но мы, зрители, всегда приглядываемся к ним с надеждой. Цепкий взгляд болельщика способен безошибочно угадать в ком-то из них задатки мастера. Того, кто через годы с теплой грустью будет вспоминать об этих первых своих больших играх. Пока мы не знаем его имени, да и сам он ждет, когда придет его время.

Или уже пришло?

пятачке, вытоптанном среди сугробов. Играют мастера, любители, профессионалы, ветераны... А началось все, конечно же, с детства.

Мальчишки одинаковы на всех континентах земли. Они ликут или утирают слезы в нескончаемых своих баталиях. Но всегда, в каждой самой коротенькой игре найдется на поле тот, кто все делал чуть-чуть лучше остальных. Бежал побыстрее, пасовал поточнее, бил неожиданнее. Он лидер.

И идет, один из десяти, дальше остальных. Может, и не намного — попал поначалу в лучшие, он, вполне возможно, и не окажется тем одним на сотню, кто поднимется еще ступенькой выше. Но где-то все же сыграет и кому-то непременно запомнится.

Давно минуло то время, когда футбольная арена высшего уровня была безраздельно отдана взрослым. Как грибы после теплого летнего дождика, возникают в разных странах детские и юношеские турниры, как национальные, так и международные. Всех их уже и не перечислить. Но вот

от сборной Чехословакии в Ашхабаде помнится, словно проиграла вчера. — чуть грустновато улыбается Блохин своим воспоминаниям. — Надо же, всю игру на воротах соперника «висели», но мяч в них упорно не шел, а в конце игры «сработал» тот закон футбола, который на всех его уровнях справедлив, не забиваешь сам, забьют тебе. Со штрафного и пропустили. Отыграться уже не успели и расстроились, конечно же, страшно — эта неудача в первом же матче турнира закрыла нам дорогу в его финал. И даже то обстоятельство, что уступили мы будущим победителям соревнования, нимало не скрасило горечи ребят.

Футбольная история имеет свойство повторяться. Через пять лет после этого огорчения пути нашей и чехословацкой команд пересеклись в четвертьфинале чемпионата Европы. Уже взрослого. Как мы с Леной Буряком, тоже с понурой головой покидавшим поле в Ашхабаде, были тогда настроены на реванш! Но после поражения в Чехословакии дома нам удалось добиться лишь

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ

народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда

ПРОЗА
В ТАНЦЕ

Я родилась в семье артистов. Моя мать снималась в немом кино. Ее старшие брат и сестра были артистами драмы. Дядя Асаф Мессерер, народный артист СССР, многие годы был ведущим артистом балета Большого театра, а впоследствии стал известным педагогом, уроки которого и сегодня для меня и для многих других обязательны и неоценимы. Другой дядя, Владимир Плисецкий, погибший на фронте и посмертно награжденный Золотой Звездой Героя Советского Союза, учился в балетном училище. Он создатель эстрадно-циркового номера «Три Кастилио», который имел большой успех в конце тридцатых годов. Но отец мой — дипломат, а мне кажется, что дипломаты в чем-то тоже актеры.

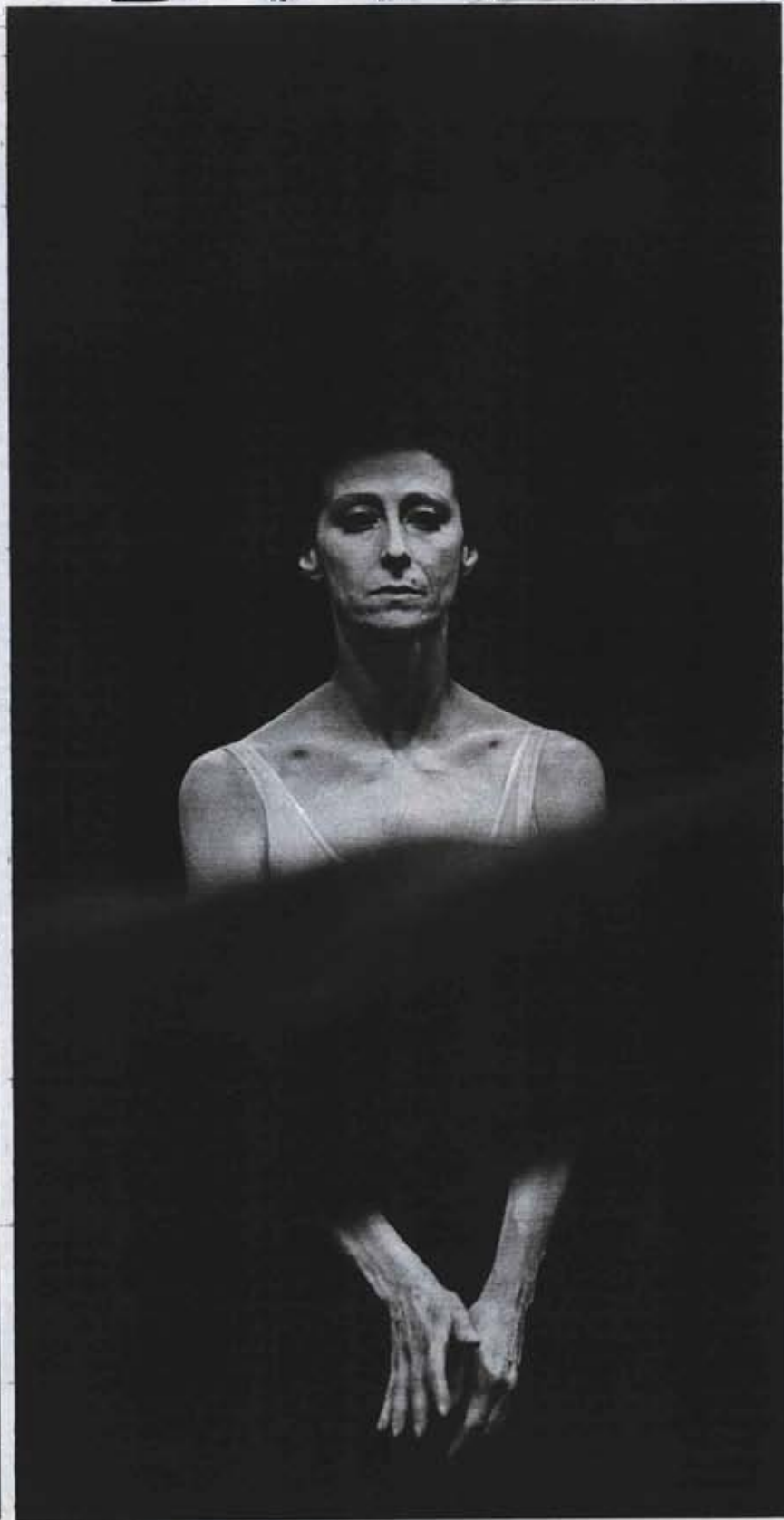
«Семейная хроника» гласит, что мое первое «выступление» состоялось в три с половиной года. Я как-то потерялась, гуляя. Нашла меня мама в конце бульвара, где под звуки льющейся из репродуктора музыки я импровизировала какой-то вальс, собрав довольно много публики. Но это не было проявлением призвания, как можно теперь подумать. Скорее детской непосредственностью.

В балетную школу меня привели, как многие родители приводят семивосьмилетних детей (теперь, к сожалению, с десяти). Их именно приводят, а не они приходят, потому что дети в этом возрасте не понимают, что их отдадут уже приобретать профессию. Здесь часто присутствует «родительский диктат», а не искреннее желание ребенка. Хотя сейчас дети более развиты благодаря телевидению и больше знают, чего хотят.

Как впоследствии мне сказала Елизавета Павловна Гердт, мой школьный педагог и известная в прошлом балерина, меня приняли не за мои данные, а потому, что я красиво сделала артистический реверанс.

Трудиться в школе я не очень любила. Самым счастливым моментом в моей жизни было, когда меня выгнали из класса. Дисциплина с ее узаконенными рамками, роль прилежной пай-девочки — не для меня, не для моего характера. Я всегда сопротивлялась чему-то установленному. Это чувство осталось во мне и сейчас и сыграло определенную роль в моей творческой жизни. Не скажу, что всегда была права, но всегда задавалась вопросом: почему нужно сделать так, а не по-другому? И, к сожалению, часто мне не могли дать удовлетворяющий ответ. Желание сделать по-своему не строптивость, а скорее нежелание повторяться. Любимый повтор, даже замечательных примеров, неинтересен.

В первый год моей работы в театре я занималась три месяца у замечательного педагога ленинградского

балета Агриппины Яковлевны Вагановой. Эти три месяца показали мне, что балет нечто совершенно иное, чем я думала. Я уже говорила, что трудиться не умела да и не очень хотела. Агриппина Яковлевна помогла мне понять, что труд в тренировочном процессе — тоже искусство и что он может быть в радость. Прекрасный миг в моей творческой судьбе! Прежде всего он заставил меня осознать то, что я делаю, понять, что многое зависит от меня, от моей работоспособности и что до многого должна доходить прежде всего своей головой. Ваганова понимала балет как никто другой. Она «гений понимания». Все, кто учился у нее, прошли академию танца. Она могла научить танцевать всех: и способных, и неспособных. Обучая балетной грамоте, одновременно сразу же учила танцевать. Ежедневный балетный тренинг превращался у нее в настоящее искусство. Чтобы преподавать, как Агриппина Яковлевна, надо иметь «дар божий». Она безукоризненно понимала, почему это надо сделать так, а не иначе, почему это правильно, а то — нет. И умела убедить своих учеников. Давала такие комбинации, что, если сделаешь неправильно, упадешь. У нее была не только ясная голова, но и то, что мы можем назвать «памятью тела». Умение научить нас чувствовать свое тело и было неоценимым качеством Агриппины Яковлевны Вагановой как педагога.

Почему я так много говорю о Вагановой? Да потому, что совсем немногие ведущие танцовщицы могут впоследствии стать педагогами и репетиторами. Преподавание — дар, и дар особый. Я считаю, что твое творчество, пусть и прекрасное, еще не дает тебе права быть учителем других. Мало передать, рассказать и даже показать. Надо иметь какое-то особое, специальное мышление. Ведь каждый ученик — прежде всего индивидуальность, и к каждому нужен свой подход. А Ваганова знала про балет все. Поэтому из ее класса выходили такие грамотные, выученные балерины и вместе с тем такие разные, непохожие друг на друга...

Счастливая, кратковременная встреча с Вагановой оставила у меня чувство какой-то «раздвоенности». Умом я понимала, что работать необходимо ежедневно, но... Темперамент, желание сделать быстрее как бы преваляло над разумом. Я не всегда хорошо была готова к премьере, окончательно «дозревала» где-то к десятому спектаклю. Я не любила выслушивать после первой премьеры оценки своего выступления. Вот и сейчас — смотрю хроникальные фильмы, сделанные на основе моих ранних выступлений, и огорчаюсь, что многое сделано не так. Но пленки остались. В то же время в кино можно увидеть себя со стороны и учесть, что

Белла
АХМАДУЛИНА

ПОСЛЕСЛОВИЕ К АВТОБИОГРАФИИ МАЙИ ПЛИСЕЦКОЙ

Та, в сумраке превыспреннем витая,
кем нам приходится?

Она нисходит к нам.
Чужих стихий заманчивая тайна
не подлежит прозрачным именам.

Как назовем породу тех энергий,
чья доблестна и незащитна стать?
Зрачок измучен непосильной негой,
измучен, влажен и желает спать.

Жизнь, страсть — и смерть.
И грустно почему-то.
И прочных формул тщетно ищет ум.
Так облакает хрупкость перламутра
морской воды непостижимый шум.

Глаз влажен был, ум сухо верил
в дар Бога Вам — иначе чей
Ваш дар?

Вот старый черный веер
для овеянья чудных черт
лица и облика. Летали
сны о Тальони... но словам
здесь делать нечего... Вы стали —
смысл муки-музыки.

В честь Тайны
вот — веер-охранитель Вам.
Вы — изъявление Тайны. Мало
я знаю слов. Тот, кто прельстил
нас Вашим образом, о Майя,
за подвиг Ваш нас всех простил.

«Чем больше имя знаменито,
тем неразгаданней оно...» Это
строчка из моего стихотворе-
ния, посвященного Блоку.
Как можно соотносить этот ма-
ленький эпиграф с художественной
судьбой, которая сбылась с таким
совершенством?

Творческий удел Майи Плисецкой
есть чудо, дарованное нам. Человек
получил свой дар откуда-то свыше и
вернул его людям в целостности и сохран-
ности и даже с большим преувеличе-
нием. Так что здесь нет ни одной
маленькой убыли, нет ни одного ма-
ленького изъяна. И, казалось бы,
Майя Михайловна не оставляет нам
никаких загадок. Она явила нам все,
что ей назначено. И все-таки я приме-
нила эту строчку к раздумью о ней.
Дело в том, что в исчерпывающей
очевидности этого сбывшегося не-
сравненного таланта всегда есть не-
которая захватывающая тайна. И
сколько бы я ни помышляла о Пли-
сецкой или сколько бы раз я ни
видела ее на сцене или просто ни
следила бы вблизи за бликами, кото-
рые озаряют ее лицо и осеняют весь
ее облик, всю ее повадку, всегда я
усматривала в этом захватывающем
сюжете, приглашающем нас к какому-
то дополнительному раздумью. Дей-
ствительно, ореол этой тайны пригла-
шает нас смотреть в художественные,
человеческие действия Плисецкой с
тем же азартом, с каким мы можем
следить поведение огня или поведе-
ние воды или всякой стихии, чье
значение не вполне подлежит нашему
разумению.

И еще поражило меня, то есть, не-
сомненно, ничего не оставлено в тай-
не от нас, все предложено нашему
созерцанию. И все-таки это тот про-
стор, куда может углубиться наш дей-
ствующий ум, любопытство наших
нервов. Это огромный объем, остав-
ленный нам для раздумья и для силь-
ного умственного и нервного проник-
новения.

И еще меня поражает в ее художе-
ственном облике совпадение совершен-
но надземной одухотворенности,
той эфемерности, которую мы всегда
невольны приписываем балету, с
сильной и мощно действующей стра-
стью. Пожалуй, во всяком случае, на
моей памяти, ни в ком так сильно не
совпала надземность парения, над-
земность существования с совершен-
но явленной энергией трагического
переживания себя в пространстве. И,
может быть, все вот это и останется
для нас непрерывным побуждением
мыслить.

Мне однажды довелось видеть...
Это было некоторое чудо. Я просто в
числе прочих ждала Майю Михайлов-
ну около консерватории. И она по-
дошла незаметно, и вдруг — был дож-
дливый день — и вот в дожде этого
дня вдруг отразился ее чудный мер-
цающий и как будто ускользающий
облик. И еще раз тогда я подумала,
что очевидность этой судьбы все-
таки оснащена прекрасной тайной,
вечной возможностью для нас гадать,
думать, наслаждаться и никогда не
предаться умственной лени и скуке.

Это не творческий портрет в полном смысле слова. И совсем не биографический очерк. Материалом для публикации стали наблюдения ее друзей и сотрудников, ее собственные мысли, высказанные в неопубликованной статье и в не увидевшем свет интервью, и зрительские письма...

Динара АСАНОВА. ...И можно без конца говорить об этом предмете, который я называю «природой человека». В нем еще столько загадок и «белых пятен» — об этом почему-то совершенно забыли! Только познав себя, человек может действительно принести пользу себе и всем окружающим людям. А я, общаясь с ребятами, замечаю, что они часто даже не задумываются, кто они и для чего родились на этот свет... Я глубоко убеждена — и с этим убеждением делаю все свои фильмы, — что нет истин разных для разного возраста: одних, к примеру, для школьного, других для юношеского и третьих для взрослого. Истины едины для всех, и нечего их преподносить в урезанном виде «детикам» — «для лучшего усвоения».

Из писем к Д. АСАНОВОЙ. «Мне 17 лет, на будущий год в армию. Но сколько я себя помню, мне всегда в глаза говорили, что я очень трудный ребенок. Много сделал я плохого в жизни людям и никогда не думал об этом. И вот, увидев Ваш фильм, увидев таких же пацанов, как и я, я понял, что не надо быть таким. Впервые в жизни я подумал о бабушке, ведь она очень переживает за меня. Я многое понял, и хотя я еще стою на учете в милиции, я все, как говорили Ваши пацаны, «завязал». Я должен устроить свою жизнь...»

«Я редко когда плачу, а Ваш фильм принес в мою душу слезы. Мне 36 лет, работаю шофером, образование 7 классов. Жизнью доволен, когда есть такие люди, как Вы».

Валерий ПРИЕМЫХОВ, сценарист, актер. Динара была режиссером необыкновенным, редким для общего течения нашего кино. Клд ее творчества был чрезвычайно высок. Ведь молодежное кино у нас в общем-то не в чести. Престижнее снимать про любовь или про трудности производства: это ближе всем и понятнее. А между тем, чтобы заниматься молодежной проблематикой, требуются огромная работа души и точное знание момента. Молодежь меняется так быстро, почти неуловимо, материал этот так подвижен и динамичен, что его надо все время держать «на пульсе». Молодые режиссеры, которым, казалось бы, и карты в руки (ну кто же лучше знает молодых, чем сами молодые!), в основном следуют старым мастерам. Поэтому, как ни странно и ни печально, молодежное кино равняется у нас по «взрослому», по крепкому и испытанному, теряя при этом самое главное — непосредственность, честность. И вот молодой человек смотрит уже не кино, а «киношку», заранее зная все, что ему предложит экран.

К тому же сегодня понятие «молодежная тема» у нас заметно сужено, загнано в узкие возрастные рамки. Почему-то так сложилось: понимать это кино как что-то подслащенное, как набор расхожих клише. И только в последнее время происходит поворот — я имею в виду «Чучело», «Средь бела дня», «Пацаны» — фильмы, которые ставят проблему нового поколения шире, чем прежде. Тема молодежи стала входить в контекст сегодняшней жизни общества, и

ДИНАРА АСАНОВА

НЕ БУДЕМ расходиться

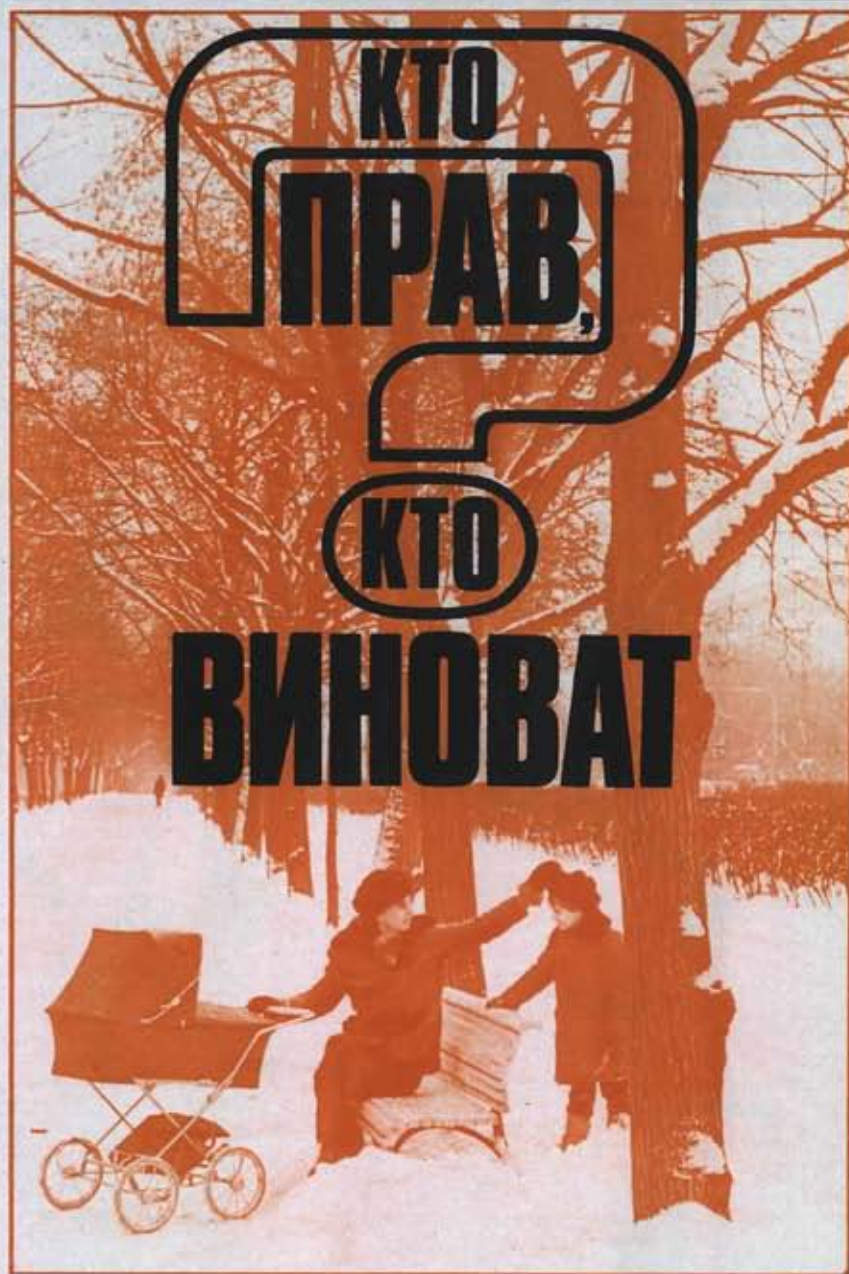
мый Учитель — Михаил Ильич Ромм. О нем я не забываю ни на минуту и часто разговариваю с ним про себя. Его уже нет с нами, но я все равно считаю его своим современником. Для нас, студентов ВГИКа, он был «старцем», но в общении вдруг становился удивительно молодым, моложе даже тех, кого обучал. Он был молод, потому что, уча, не боялся учиться, не боялся искать и в поиске отказываться от себя прежнего. Он умел думать не о себе, но о том, что останется от него людям. Я видела, как смотрели «Обыкновенный фашизм» молодые люди — впервые. Они вышли из зала ошарашенные, очищенные. Сделанная четырнадцать лет назад картина оказалась современной и нужной людям сегодня. И не случайно, конечно, его следующим фильмом должен был быть фильм о молодежи и земном шаре. Это был бы серьезнейший и интереснейший разговор на глобальную тему. Я бы мечтала снять такой фильм, и, если бы хоть кто-то после него задумался о своем месте в мире, я была бы счастлива. И это тоже я называю учительством.

В человеке ведь столько заложено от природы, но как много нужно дать, чтобы помочь ему вырасти Человеком! Сейчас, по-моему, ощущима нехватка таких людей, которые могли бы помочь. Ведь знать — это одно, а уметь — совсем другое! Читая иногда письма, я думаю: а может быть, зря мы придумали нашего Пашу Антонова в «Пацанах»? Может, это «святая ложь»? Но нет, одергиваю я себя, людям нужен такой человек, с которым можно было бы поделиться самым сокровенным, поговорить на «ты». Человек с большой буквы, человек, оправдывающий звание Человека.

Екатерина ВАСИЛЬЕВА. Я очень любила работать с Динарой, она была единственным в моей жизни режиссером, с которым я работала по душе, готовая на все, и участие даже в крохотном эпизоде ее фильма для меня всегда было радостью. Ведь актер в кино — очень странная профессия: с одной стороны, кино — это игра; когда стоит камера и съемочная группа, волей-неволей начнешь играть, а с другой — это секундное состояние человека, которое никогда в жизни больше не повторится. И вот эту-то двойственность Динара очень чутко чувствовала, с ней на площадке можно было быть совершенно спокойной, зная, что какую бы ловушку она ни подстроила, ты всегда будешь реагировать живо, не играть, но проживать. Такой режиссерский дар дается очень немногим. А заставить работать детей, как она это умела, уж совсем невероятно: надо выйти на прямой контакт с ребенком, надо встать на его волну. Все это тяжелая нервная, психологическая и физическая работа, которую и мужчинам-режиссерам вынести нелегко. Но Динара любила ее и работала, как одержимая, проводя сутки без сна, целиком выкладываясь на съемке, напрягаясь и перенапрягаясь, — это было ее, ее дело, ее судьба.

Динара АСАНОВА. Сейчас как-то все потянулось к кино. Оно нынче играет большую роль в жизни людей. И вот когда был задан вопрос моим зрителям, что они хотят получить от картины, ответ был: помощь. Действительно, про художественные качества говорят очень мало, зато проблемы, если они поставлены остро, люди сразу начинают обсуждать. Значит, кино наталкивает их на размышления о мире и о себе, а это так важно! Я со временем разлюбила свою картину «Ключ без права передачи» только потому, что после нее появилось множество фильмов, которые я называю «ключики» или даже «отмычки». А так хочется, чтобы появился человек, который сказал бы об этом еще острее, еще откровеннее, ведь, оказывается, это нужно и ребятам, и взрослым. Появление таких настоящих картин — верный путь для сотрудничества зрителей и художников. Поэтому я сторонник только правды в кино, только правды!

Материал подготовил
Михаил БРАШИНСКИЙ.

Уважаемая редакция! Внимательно читаю статьи в вашем журнале о семье и браке. Хочу поделиться с вами одним немаловажным обстоятельством, повлиявшим очень сильно на мою жизнь.

Сомневаюсь, что вы ответите мне, эта тема у нас не обсуждается, на нее как будто положен негласный запрет в печати. Речь пойдет о матерях-одиночках и усыновлении (удочерении).

С недавних пор мать-одиночка стала по льготам, предоставляемым государством, чуть ли не Героем Советского Союза. Вы скажете, преувеличиваю. Нисколько. Ей предоставляется отдельная однокомнатная квартира со всеми удобствами, а человеку, проработавшему на том же предприятии более десяти лет, но одинокому, нет квартиры. Ах, она одиночка, ей тяжело одной воспитывать ребенка, надо поддерживать материнство. Но ведь, как я думаю, дети не бывают только мамини. Где-то и папа ходит по земле, но об этом мать-одиночка не рассказывает, стыдно. Если после войны у незамужней женщины появился ребенок, то она не знала, куда глаза девать. А сейчас она гордо ходит среди родных и знакомых, которые знают: идет мать-одиночка. Правда, в народе о таких говорят, я сам слышал, не очень благозвучно, но точно: мать-одиночка. На одну ночь, а потом пусть государство заботится.

Можно понять женщину тридцати — сорока лет, которая стала матерью-одиночкой, но двадцатилетнюю — непонятно. Почему же государ-

ство должно создавать особые условия для человека, не слишком заботящегося о своих моральных качествах, а чаще всего и не знающего, что это такое?

При современном развитии медицины интимная близость, надо думать, не заканчивается беременностью. Но ее желают потому, что знают о льготах, а главная из них — жилье. Не скажу, что мы, мужчины, святые в этом вопросе, но женщина, а тем более девушка по всем классическим законам должна быть более разумной в интимной жизни.

И не стоит прикрываться аргументом, что это делается для ребенка, он здесь является следствием, а не причиной. В старой России была статья закона о «прелюбодеянии», и касалась она и мужчин, и женщин. Но женщины, как правило, больше страдали от этой статьи в силу социальной несправедливости.

Теперь об усыновлении. Я тоже познакомился с матерью-одиночкой. Такая приятная мама с аккуратно одетой дочкой. Ребенок хорошо одет, обут, сыт, душа радовалась за ее мать. На этой почве и решил я связать свою судьбу с ними. Девочка тянулась ко мне, привыкла, мы и поженились с ее мамой. Как и положено, не ранее девяти месяцев после свадьбы родилась еще дочь.

Я ходил в море, дети росли, и во мне все более укреплялась мысль о том, что у меня настоящая семья. Прошло два года. Жена то в порыве раздражения, то в порыве нежности несколько раз упрекала меня, что у старшей девочки (а хотелось бы написать — дочери) другая фамилия, а скоро ей идти в школу. И

через два с половиной года после начала семейной жизни я удочерил девочку. Через два месяца после удочерения ушел в море. И тут-то неожиданно для меня (но не для моей теперь бывшей супруги) она «полюбила» другого человека, а когда я пришел из рейса, сделала мне в честь прихода «подарок». Оставив меня с детьми, ушла из дома на пять дней, а когда вернулась, то клялась детьми и матерью родной, что была у подруги. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что это сказки для идиотов. А так как я себя к ним не причисляю, то сумел узнать даже точный адрес, где она была. Она просила о прощении, и я скрепя сердце простил. Через двадцать дней это снова повторилось, только теперь отсутствовала она четыре дня. Причем не только дома, но и на работе. Однако прогулов у нее не было. Что вы, избави боже, у нее ведь двое детей! Какие мелочи — разве это прогуляла, вот если бы полгода!

На этот раз я не выдержал, и мы разошлись. Тот, «любимый», ее, соответственно, бросил. На суде на вопрос «Кто виноват в разводе?» она указала на себя. Моей вины здесь не было, а была беда, что не рассматривал за время брака непорядочную...

Бывшая теперь супруга подает на алименты на обоих детей. И по закону платить мне им алименты до совершеннолетия. Вот тут-то и появилось у меня сомнение в законности алиментов. Но суд на мое заявление о признании удочерения недействительным ответил отказом. Все по решению суда было законным. Мое согласие, отсутствие болезни, согласие матери ребенка — все бумаги законны.

Как же мне теперь быть? То, что нанесен ущерб моему материальному положению, — это полбеды. Большой вред нанесен моральный: окружающие понимают, как оборачивается и во что превращается обыкновенная порядочность. Вот почему обращаюсь снова в суд, не считая вопрос закрытым.

Факт удочерения нужен для того, чтобы юридически ребенок имел отца. Представитель роно на суде заявила, что в интересах ребенка нельзя отменять удочерение. Но и не удочеряя девочку, я был бы морально обязан заниматься и воспитанием ее, и обеспечением материально. До удочерения жена не давала поводов для развода, наоборот, сделала все, чтобы я поверил в ее искренние намерения. После удочерения она дала такой повод (убедительный для развода) и, как только мы разошлись, стала требовать алименты. Но разве удочерение разрешено законом для того, чтобы женщина могла обманывать?

Закон не только правовая норма, но и мерило честности. Но можно ли говорить о честности женщины, если сразу после удочерения она гуляет от мужа? Получается, что закон теперь ей все позволяет, делай что хочешь. Порядочность человека унижена и растоптана, мать внушила девочке, что у нее другой папа, а я ей чужой дядя. Об этом мне сказала сама девочка при встрече. Я ей дядя, а алименты плачу.

За что же закон наказывает порядочность и почему непорядочность находится под его защитой?

А. АЛЕКСАНДРОВ,
Мурманск

✉ К ЧИТАТЕЛЯМ

Согласитесь, случай, рассказанный в письме нашего читателя, достаточно редок, но затрагивает проблемы, волнующие мужчин и женщин, чья семейная жизнь складывается непросто. Ждем ваших откликов.

МОЛОДЕЖНАЯ МОДА ДАДЕИМЬЕ ВКУСА

Что нынче модно? Что носят? Как одеваются? Чаще всего мы задаем себе эти вопросы, когда приходит пора шить или покупать новое платье, когда требуется обновить надоевший или вышедший из моды гардероб. Но, согласитесь, наш интерес к моде не только утилитарный...

С модой, какой бы легкомысленной она нам ни казалась, связаны наши представления о том, как должен выглядеть человек, идущий в ногу со временем. Каковы его эстетические идеалы? Личные претензии? Вкус? Костюм в состоянии многое рассказать о человеке, даже если он сам того не желает. Здесь и информация о том, насколько человек серьезен и опрятен, способен чувствовать и понимать красоту, как сам относится к себе и каково его отношение к окружающим... Костюм нередко становится символом престижа, но подлинный ли это престиж? И какое место в системе истинных человеческих ценностей может быть отведено костюму?

Все это волнует каждого из нас не столько в теоретическом (хотя и это чрезвычайно интересно), но и в чисто практическом, даже житейском плане. Мода предлагает нам только общие, стандартные решения. Каждому приходится самому делать выбор — как одеваться, что использовать из предложений моды, а от чего отказаться...

В одном из ближайших номеров мы начинаем публикацию цикла материалов, чтобы помочь нашим читателям найти свою позицию в отношении с модой, помочь в решении тех, казалось бы, сугубо личных вопросов, с которыми сталкивается каждый человек, стремящийся быть современным.

Вести цикл будет главный редактор всесоюзного «Журнала мод» Лидия Витальевна Орлова.

Эти костюмы для занятий спортом выпускаются трикотажными производственными объединениями Алма-Аты и Воронежа.

Фото Эдуарда Крастошевского

**Алла
Пугачева
Юлиан
Семенов**

У ПОРТРЕТА

Предлагаемый вниманию читателей материал довольно необычен. Это не привычная беседа в присутствии журналиста, когда каждое слово произносится в расчете на большую аудиторию, когда собеседники стремятся все-сторонне осмыслить затронутую тему. Перед вами, дорогие читатели, стенограмма домашней беседы писателя Юлиана Семенова и певицы Аллы Пугачевой. Поводом для их встречи послужил портрет певицы, написанный молодой художницей Дарьей Семеновой.

Итак, домашний разговор, частная беседа. Но затронуты важные, общественно интересные темы. И это одна из характерных примет нашего времени. Наши домашние разговоры, беседы в кругу друзей сегодня наполнены не только личными заботами. Как личные проблемы обсуждаются вопросы самые злободневные, вопросы общественные, мировоззренческие.

Вопросы, волнующие каждого из нас.

Собеседники в таких ситуациях обычно не претендуют на окончательные выводы, не стремятся к итоговому решению. А с другой стороны, именно в частной беседе человек раскрывается полнее, становится ближе и понятнее, яснее видны его личные, неповторимые черты, человеческая индивидуальность.

СВЕТИЛАНА СОЛОЖЕНКИНА

■
Сирень цвела недолго,
но как она цвела!
Как будто это Волга
в гостях у нас была —
сияньем темно-сизым,
разливом буйных сил...
И голубь по карнизу
с опаскою ходил.

■
Нет ничего прозрачнее кристалла
простой воды в стакане на столе,
когда гроза греметь уже устала
и радуга сияет на земле.
И зеркало

в прохладной глубине комнат
тогда похоже на овраг лесной,
и колокольчик до краев наполнен
лиловою бездонной тишиной.
Оставив чувство светлое тревоги,
гроза ушла, полям наперерез,
и только на проселочной дороге
еще дымится музыка небес...

■
Зацвел картофель,
бледно-фиолетов.
Вовек он не был баловнем поэтов.
Ничьих похвал не ожидает он
и никаких не просит привилегий,
хотя изящнее, чем анемон,
и для меня прекрасней аквилегий.
Вот мой цветок...

■
Он здесь, он не исчез.
(Хоть многое уже не возвратится...)
Цветет себе на краешке небес —
и заглянуть за горизонт стремится.

■
Скрипят заржавленные ели,
сухие листья шелестят,
опята на пенек присели
и в гости ждут других опять.
Седой кипрей свой пух роняет,
тропинку устилает зря,
и паутинка отделяет
нас от начала сентября.
Медлительнее сердце бьется,
ясней и холоднее даль...
А незабудкам на болотце
все доцвести как будто жаль.
Забудь меня. Я здесь — лесная.
Но, хоть вернуть никто б не смог,
внезапное воспоминанье
голубизной лежит у ног.
Как хорошо с краюшкой хлеба
бродить, на камешках скользить...
Я не боюсь осколков неба.
Есть то, чего разбить нельзя.

■
Коза мотает бородашкой
и думу думает... О чем?
О том, что жизнь идет сторонкой,
она — коза — тут ни при чем.
Кругом воюют государства,
кровь проливая без конца.
Есть у людей любовь, коварство...
А у нее — клочок сенца.
И будет до скончанья века
она бородашкой трясти,
не понимая человека,
не зная, как его спасти.

■
Луна взошла наполовину,
но разве может быть светлей?
В лугах цветет горец змеиный,
и — никаких не видно змей!
Светла, доверчива природа...
И горожане в эти дни
живут под знаком огорода,
их труд — крестьянскому сродни.
Вот кто-то на своем балконе
растит петрушку и укроп.
Пахучий стебель важно тронет,
в раздумии наморщит лоб...
Ему желаю я удачи.
А у меня балкона нет.
Но на луне такие дачи!
Их может снять любой поэт.
Полить левком не премину,
пусть только вся луна взойдет:
там — на незримой половине —
и мой незримый сад цветет...

■
Собой остаться — все, чего хочу.
Пусть смерть сулит
нам вечную разлуку,
с младенчества я верила лучу:
похож он на протянутую руку.

■
Я верила подснежнику. Любви.
Я верила посевам, а не граду,
и, если надо, по воде пройду,
И яд сомнений у меня в крови
переставал быть,
как ни странно, ядом.

■
Я в полынью, как в темную беду,
глядела, не бледнее и не пятась,
и, если надо, по воде пройду,
хоть ни при чем здесь
благостность и святость.

■
А если сдавит обручем тоска?
Покинут строки — выросшие дети?
...Какое счастье: глаз на опускать
ни перед кем,
ни перед чем на свете!

■
Метель метет... Но странно:
снится море.
К чему мне эта голубая гладь?
Лишь юные
нуждаются в просторе,
а мне — воспоминанья обживать.
Распахивать надел
свой каменистый,
где камни станут хлебом,
черстветь —
и снова нежности учиться,
как в раннем детстве

учатся ходить.
Прощай же, белый парус,
сон чудесный!
И наяву, под крышей городской,
мне больше никогда

не будет тесно
с моим безбрежным счастьем

и тоской.
Мне жить в снегах,
дыханьем греть ладони,
бросать по-братски

крошки воробью...
Подступит холод к сердцу,
но не тронет
все то, что я любила — и люблю.

ДЖЕММА ФИРСОВА

■
Я не искала, не ждала
Своей любви, явившей чудо.
Она сама ко мне пришла —
Не ведаю — зачем? откуда?

■
Как будто властной рукой
В жизнь кто-то вписывает строки...
Как будто кто-то водит мной,
На все определяя сроки...

■
С глаз долой — из сердца вон, —
Думал ты, — как было прежде?
Но тоски не смолкнет звон,
Зародившийся в надежде.

■
Все, о чем мечтал вчера, —
Все ненужно, все постыло...
Неизбежная пора —
Помнить лишь, что с нами было...

Попытка сомнения

■
Ты прав во всем —
ты прав лишь для меня,
А для себя не праведен во многом.
И все равно, одну себя виня,
Тебя я оправдаю перед богом.

■
Я виновата — я тебя люблю.
Ты не виновен — ты меня не любишь.
Я виновата — жизнь тебе дарю.
Ты не виновен — ты меня осудишь.

■
Я виновата — я тебе несю
Стихи, цветы, и молнии, и грозы...
Ты принял все: цветы, стихи, грозу.
Ты не виновен —
ты дарил мне слезы.

■
Я виновата — голова в огне.
Ты не виновен —
ты так здраво судишь.
Но почему ты не перечишь мне?
И целый год огонь мой не остудишь?

■
Я виновата — я тебе дарю
Совсем тебе не нужную зарю.
Но если не нужна тебе заря,
Зачем же принимал ее ты зря?

■
Я виновата — я тебе несю
Среди зимы весеннюю грозу.
Но если не нужна тебе гроза,
Зачем же смотришь
мне глаза в глаза?

■
Нет, не могу, себя одну виня,
Заступницею быть твоей
пред богом.

■
Ты прав во всем.
Ты прав лишь для меня.
А для себя —
не праведен во многом...

■
Не сомневаются в любви.
Не сомневаются в любимых.
Мы лишь тогда судьбой хранимы,
Когда не предаем любви.

■
Как зовут по утрам поезда
В голубые рассветные дали,
Как дороги других разлучали,
Нас связали с тобой навсегда.

■
«Навсегда, навсегда, навсегда», —
Повторяют на стыках колеса,
И сбегают с откоса березы,
И как строчки
летят провода...

■
Не стремлюсь я в далекие страны.
Я весь мир поверяю тобой.
Лишь в тебе
для меня шар земной —
Континенты, моря,
океаны...

■
«Навсегда, навсегда, навсегда...» —
Повторяют на стыках колеса,
И сквозь смех повторяю,
сквозь слезы:
Не сбегу от тебя — никуда!

А мне без тебя...

■
...А мне без тебя —
не дышать и не жить...
Как много людей
не дают мне любить,
Любовь нашу жаждут
сломать и убить,
Меня удержать и к тебе не пустить...

■
Друзья —
чтобы крепче к себе привязать,
Враги —
чтобы счастьем меня не отдать,
Друзья —
чтоб надежда совсем не ушла,
Не их —
так ничьей чтоб уже не была,

■
Подруги —
чтоб дальше без горечи жить
И верить: никто не умеет любить.
Родные —
чтоб с ними, лишь с ними была,
Чтоб цепи родства
я порвать не смогла...

■
А мне без тебя —
что в могилу живой,
Тебе без меня —
лютостю смерти покой.
Не будет тогда ни меня, ни тебя,
Не будет ни ночи,
ни утра, ни дня,

■
Не будет рождения трепетных слов,
Ни музыки нашей,
ни наших стихов,
Не будет рассветов, закатов, цветов,
Сверкающей яви,
пугающих снов...

■
А мне без тебя —
не дышать и не жить.
Любовь нашу многое может убить:
Советы друзей и наветы врагов,
И грубые смыслы
бесчувственных слов,
Подсчеты возможных потерь

■
и долгов,
И сорванный с трепетной тайны
покров,
И омут привычек, и страх перемен,
Попытка укрыться за ложью измен...

■
И непониманье того, что струсилось
И как мирозданье теперь началось...
Любовь нашу многое может убить.
Тебе без меня —
не дышать и не жить...

Джон УИНДЕМ

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ

Научно-фантастический роман

Глава шестая

1

Вечером, когда мне стало лучше, я услышал, что Розалинда пытается поговорить со мной. Чувствовал я тревогу и остальных наших. Я рассказал им про Софи: теперь это уже не было тайной. Мой рассказ напугал их, и я постарался растолковать им, что отклонение — во всяком случае, такое маленькое и несущественное — не может считаться кощунством. И все же для них все это явилось своего рода шоком. Ведь то, что я говорил, шло вразрез со всеми общепринятыми понятиями о НОРМЕ. Они верили в мою искренность, да и как могло быть иначе? Разговаривая мыслями, невозможно лгать. Но их поразила сама мысль, что кощунство может не быть омерзительным... Переступить через это они еще не могли. Во всяком случае, сейчас они ничем не могли мне помочь, и я не жалел, когда один за другим они замолкли.

Я был очень измучен, но долго не мог заснуть. Я лежал и представлял себе, как Софи с родителями успела добраться до Джунглей, их преследователи несолоно хлебавши повернули обратно и мое предательство ничем не повредило Софи.

Когда я наконец заснул, сон мой был полон кошмаров. В беспорядке мелькали передо мной страшные видения. Вновь мы все собрались во дворе, и мой отец держал за руку Софи, готовясь свершить Очищение... Проснулся я от своего крика, умоляющего отца остановиться... Я боялся заснуть вновь, чтобы не увидеть опять этот кошмарный сон, но все-таки вскоре заснул... Теперь я увидел другое: снова, как в детстве, передо мной простирался Город, его дома, улицы и странные блестящие предметы, летящие по воздуху. Уже много лет я не видел этого во сне, но Город был в точности такой, как раньше, и почему-то этот давно забытый сон успокоил меня...

Мать зашла ко мне на следующий день, но в глазах ее я не увидел ни сочувствия, ни даже сожаления, разве только легкую брезгливость. Ухаживала за мной Мэри. Она запретила мне вставать с постели весь день, и я молча лежал на животе, чтобы не тревожить израненную спину, соображая, что бы предпринять для побега. Я решил, что лучше всего попробовать достать лошадь, и все утро придумывал, как украсть одну из наших рабочих лошадей, чтобы ускакать на ней в Джунгли.

Днем ко мне заглянул инспектор. Он принес с собой кучу сладостей. Поначалу я хотел было потихоньку расспросить его о Джунглях — разумеется, так, чтобы он не догадался о моих намерениях, — будучи специалистом по отклонениям, он наверняка должен был знать о Джунглях больше, чем кто бы то ни было. Но я сразу выкинул эту мысль из головы: он моментально раскусил бы меня.

Говорил он со мной участливо и даже с жалостью, но пришел он не просто меня проведать. Я понял это с первого же его вопроса.

— Скажи, Дэвид, — спросил он, жуя конфеты, — ты давно знаешь дочку этих Уэндеров?

Теперь уже не было смысла скрывать что-либо, и я сказал ему правду.

— А давно ты заметил отклонение у этой... Софи? — был следующий его вопрос.

— Давно, — прошептал я.

— Ну, примерно сколько времени ты знал об этом?

— Месяцев шесть.

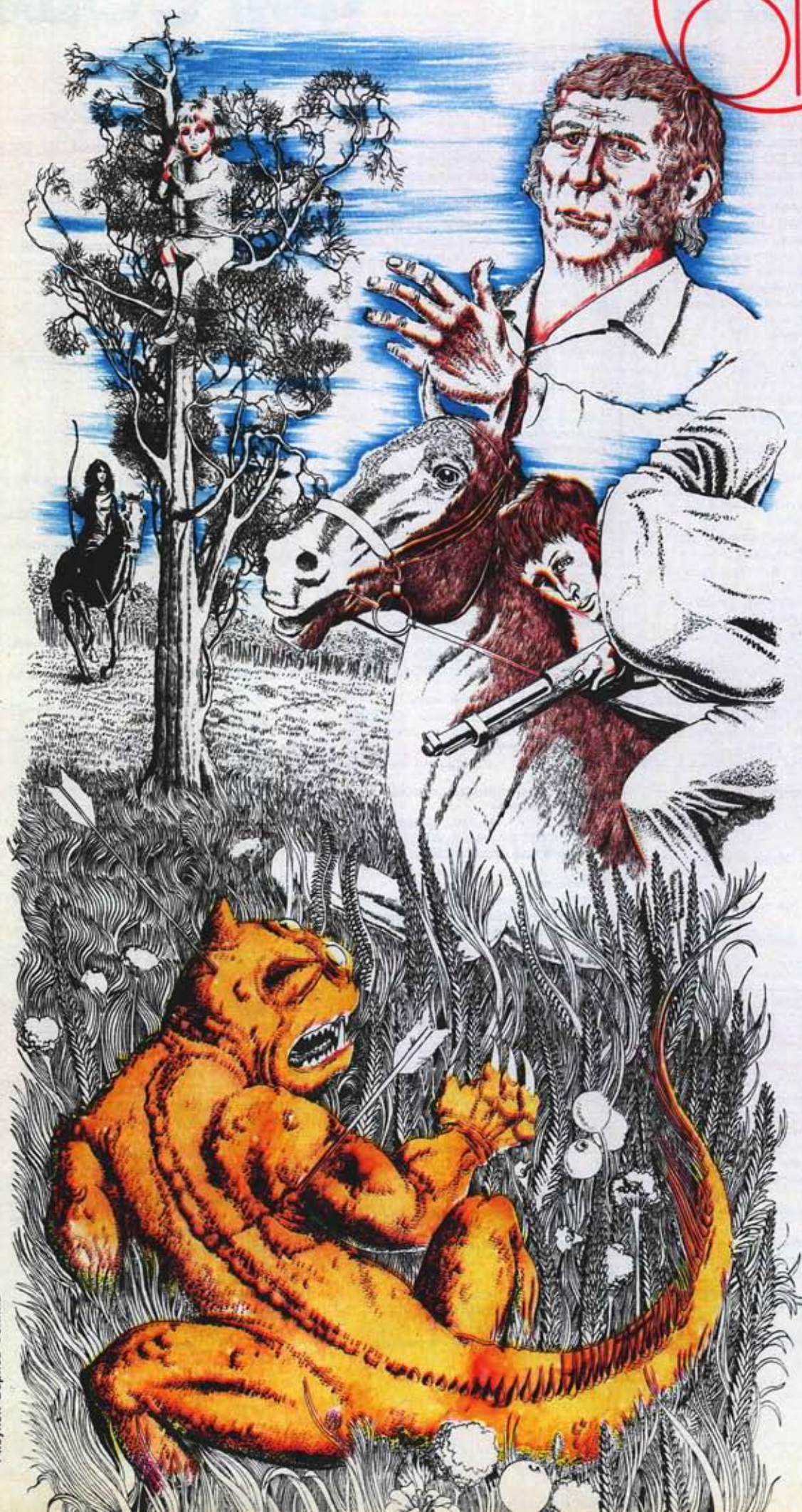
Брови его приподнялись, и выражение лица стало серьезным и озабоченным.

— Это плохо, Дэвид, — сказал он. — Это очень плохо. Это называется сокрытием преступления, и ты не мог не знать об этом, так ведь?

Я отвел глаза и невольно заерзал под его пристальным взглядом. Ерзанье это причинило мне боль. Превозмогая ее, я постарался объяснить:

— Это... это было совсем не так, как нас учат в церкви... Эти... пальцы... они были такие маленькие...

Продолжение. Начало в № 4.

случиться с мальчишкой. Так ты хочешь, чтобы я постарался выяснить это, Дэви?

— Да. Пожалуйста, дядя! Мы... Мы все очень боимся! — честно сознался я.

— Ну-ну, пока не стоит особенно переживать, — сказал Аксель. — Я попытаюсь что-нибудь разузнать. Так ты говоришь, это был мальчишка и жил он где-то неподалеку, так? Пропал примерно месяц назад... Может, вспомнишь что-нибудь еще?

Я рассказал ему все, что знал, но знал я немного. Впрочем, огромным облегчением было для меня уже одно то, что Аксель обещал мне помочь.

Прежде чем мы расстались с дядей, он еще несколько раз пробурчал что-то о НОРМЕ и о том, что никто не может знать наверняка... Прав ли был он тогда, затеяв со мной этот разговор? Не знаю... Может быть, было бы лучше подождать какое-то время, дать мне созреть... Но, с другой стороны, его слова кое в чем помогли мне — не теперь, а позже, много позже... Ну, а пока я лишь поверил ему в одном — убежать из дому не стоило.

Глава седьмая

1

Появление на свет моей сестры Петры, сопровождавшееся обычной в таких случаях реакцией взрослых, для меня было событием загадочным и удивительным. За недели две до этого в доме, казалось, все чего-то ждуть. Но чего именно? Это было для меня загадкой. От меня явно что-то скрывали, и я чувствовал себя очень неуютно — лишним, ненужным, чем-то мешавшим остальным, — пока в материнской комнате не раздался детский писк. Его нельзя было ни с чем спутать, так мог пищать только младенец, а еще вчера никаких младенцев у нас не было. Но утром следующего дня никто и словом не обмолвился о происшедшем. Это было вполне естественно: до прихода инспектора, который должен был удостоверить, что родившийся ребенок полностью соответствует НОРМЕ, никто не рискнул бы обсуждать свершившийся факт. В случаях, если что-нибудь оказывалось не правильным и новорожденному отказывали в официальной метрике, считалось, что никто как бы и не рождался. Таков был порядок.

С рассветом мой отец велел одному из работников оседлать лошадь и ехать за инспектором, до приезда которого все в доме старательно скрывали свое возбуждение и беспокойство и делали вид, что начался самый обычный, будничнейший день, ничем не отличающийся от вчерашнего.

Однако волнение домашних становилось все более заметным, особенно когда посланный человек, вместо того чтобы привезти с собой инспектора (как обычно происходило, когда дело касалось столь уважаемого жителя поселка, каким был мой отец), вернулся с запиской. Записка, выдержанная в вежливом, но сугубо официальном тоне, гласила, что инспектор постарается в течение дня выкроить время и заехать к нам.

Даже самый уважаемый и влиятельный житель поселка сто раз подумает, прежде чем сориться с местным инспектором и оскорблять его во всеулышание — у того всегда найдется средство рассчитаться с обидчиком.

Отец страшно разозлился, и злорада его бушевала все яростнее оттого, что приходилось сдерживать ее. Ситуация никак не позволяла выплеснуть свой гнев наружу — он ведь прекрасно понимал, что инспектор нарочно провоцирует его на скандал. Все утро отец без дела слонялся по дому, срывая растущую злость на том, кто попадется ему под руку, поэтому все домашние ходили буквально на цыпочках. Никто не осмеливался вслух заговорить о рождении ребенка, пока новорожденный не получит Метрику. И чем дольше задерживался официальный осмотр и выдача бумаг, тем боль-

ше было времени для всяких домыслов по поводу причины этой задержки. Вынужденные избегать малейшего упоминания о случившемся, все мы делали вид, будто мать лежит в постели из-за легкого недомогания.

Моя сестра Мэри то и дело входила к матери в комнату, а когда выходила оттуда, старалась замаскировать возбуждение и беспокойство грозными окриками на слуганок. Я не отходил от дома, не желая упустить момент официального объявления о случившемся. Отец продолжал слоняться по дому, ища выход накопившейся злости.

Всеобщая тревога и возбуждение усиливались еще и оттого, что в двух предыдущих случаях Метрики выданы не были. Отец прекрасно знал (знал это и инспектор), что многие в округе гадают: воспользуется ли он полагающимся правом — выгонит ли он мать, если и в третий раз произойдет отклонение? Но не бежать же ему было за инспектором (это было и невежливо, и несовместимо с понятиями отца о собственной значимости), поэтому не оставалось ничего другого, как ждать и верить в благополучный исход.

Инспектор приехал незадолго до полудня. Отец взял себя в руки и с гримасой, отдаленно напоминающей вежливую улыбку, вышел встречать его на улицу. Необходимость быть вежливым выводила его из себя. Инспектор был холоден и спокоен. Он понимал, что на этот раз отец зависит от него целиком. Он прошел в дом, болтая о погоде. Покрасневший как рак, отец подозвал Мэри, и сестра с инспектором вошли в комнату матери. Настала самая томительная часть нашего ожидания.

Потом Мэри рассказала нам, что, подвергая ребенка тщательному осмотру, инспектор все время бурчал что-то себе под нос и неодобрительно хмыкал. В конце концов он закончил осмотр, и на лице его, холодном и бесстрастном, не отразилось ни единого проявления каких бы то ни было чувств.

В гостиной, которой обычно мало кто пользовался, он присел за стол и, жалуясь на испорченное перо, вынул из сумки бланк, на котором твердым почерком написал, что, осмотрев ребенка, он официально подтверждает появление на свет истинного образа и подобия господя, не имеющего никаких видимых отклонений от НОРМЫ. Последнюю строчку он обдумывал так долго и тщательно, словно у него и впрямь были какие-то сомнения. Подписав бумагу и поставив на ней дату, он некоторое время сидел с пером, застывшим в воздухе, потом присыпал бумагу песком и вручил кипящему от злости отцу с тем же бесстрастным выражением лица, с которым он вошел в дом. Конечно, никаких сомнений у него на самом деле не было (в этом случае он непременно счел бы нужным проконсультроваться с инспектором более высокого ранга), и отец это прекрасно знал.

Наконец-то о существовании Петры можно было говорить вслух. Меня официально поздравили с тем, что у меня появилась сестренка, и повели в материнскую комнату, чтобы я поглядел на новорожденную. Она показалась мне такой маленькой и сморщенной, что я даже удивился, как инспектор сумел так быстро закончить свой осмотр. Но коли уж она получила Метрику, значит, все у нее было в порядке.

Пока мы все по очереди подходили посмотреть на Петру, кто-то стал звонить на конюшне в колокол — таков был обычай. Все на ферме прекратило работу и собрались в кухне для молитвы и вознесений хвалы господа.

2

Два или три дня спустя после выдачи Петре Метрики мне довелось кое-что узнать из истории моей собственной семьи — кое-что такое, о чем я бы предпочел не знать вовсе.

Я тихонько сидел в соседней с родительской спальней комнатке. Сидел я там не случайно: эта маленькая комнатка, которую я облюбовал для себя, в такие часы была последним местом, где меня стали бы искать после полудня, чтобы запрыгнуть в работу. Просидев там немногим более получаса, я обычно дожидался, пока двор опустеет, и потом спокойно шел заниматься своими делами. Обычно сидеть здесь было очень удобно и безопасно, но сейчас нужно было соблюдать осторожность, потому что плетеная перегородка, отделявшая эту комнатку от родительской, порядком обветшала и прохудилась. Мне приходилось сидеть, почти не двигаясь, а то мать услышала бы, что в комнатке кто-то есть.

В этот день я просидел здесь, как мне казалось, вполне достаточно и уже подумывал о том, чтобы потихоньку исчезнуть, как вдруг увидел подъезжавшую к дому двуколку. Когда она проехала мимо моего окна, я узнал тетю Харриет, державшую в руках вожжи. Я видел ее всего несколько раз в жизни (она жила милях в пятнадцати от Вакнука, где-то возле самого Кентака), но все же она мне почему-то очень нравилась. Она была года на три моложе моей матери, и, хотя внешне они были очень похожи, просто как две капли воды, тетины черты лица были гораздо более мягкими. Несмотря на всю внешнюю схожесть, стоя рядом, они не производили впечатление родных сестер — когда я смотрел на тетю Харриет, мне казалось, что я вижу мать такой, какой она могла бы быть, и главное,

такой, какой я хотел бы, чтобы она была. С тетей было гораздо легче разговаривать — в отличие от матери она никогда не слушала тебя так, словно ищет, к чему бы придраться.

Я стоял босиком у окна и видел, как тетя привязала лошадь к изгороди, вытащила из повозки какой-то белый сверток и вошла в дом. В доме ее никто не встретил, и через несколько секунд ее шаги послышались возле спальни. Щелкнула задвижка в спальне, и раздался удивленный и не очень приветливый голос матери:

— Харриет?! Ты? Так скоро? Уж не взяла ли ты с собой и ребенка? Подумать только, заставить такую крошку проделать весь путь от дома до нас!

— Я знаю, это было не очень разумно, — залинаясь, произнесла тетя Харриет, — но... Что мне оставалось делать? Я должна была, Эмили, слышишь, должна!.. Твоя девчушка появилась на свет немножко раньше моей и... О, вот она! Она... Она просто чудо, Эмили!..

Некоторое время из спальни не доносилось ни звука. Потом Харриет сказала:

— Ты знаешь, моя кроха тоже очень симпатичная. Взгляни, Эмили! Разве нет?!

Вслед за этим наступила секундная тишина, а потом раздалась обычные женские сюсюканья, которые уже успели мне за эти дни порядком надоесть. По-моему, оба младенца не могли так уж сильно отличаться друг от друга, во всяком случае, настолько, чтобы об этом стоило так долго верещать. Наконец мать сказала:

— Я очень рада, Харриет, дорогая. Генри, вероятно, счастлив?

— Ну да, конечно, — ответила Харриет, но по ее голосу даже я понял, что она чем-то очень встревожена. — Она родилась неделю назад, — торпливо продолжала тетя, — и я... я не знала, что мне делать, пока не узнала, что у тебя преждевременные... И тоже девочка... И я подумала...

Она помолчала, а потом, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно естественнее, словно между прочим, спросила:

— Вы уже получили Метрику для вашей крошки?

— Разумеется! — Материн ответ прозвучал, как удар хлыста. Я невольно представил себе выражение ее лица, с которым она произнесла это слово. Когда она заговорила вновь, голос ее звучал еще резче: — Харриет! Ты хочешь сказать, что ты еще не получила Метрики?!

В ответ не раздалось ни слова, но мне послышался звук сдвинутого рыдания. Холодно и жестко мать произнесла:

— Харриет, дай-ка мне взглянуть на твоего ребенка как следует!

Несколько секунд я ничего не слышал, кроме всхлипываний тетки. Потом она тихо и неуверенно сказала: — Ведь это такая малость, Эмили... Я думаю, тут нет ничего страшного...

— Ничего страшного?! — рывнула мать так, что я вздрогнул. — И ты... Ты посмела притачить своего монстра в мой дом да еще набраться наглости сказать: «Ничего страшного»!

— Мо... монстра? Ты сказала, мо... — В голосе Харриет звучала такая острая боль, словно ее жгли каленым железом.

— Немудрено, что ты не посмела звать инспектора, — холодно произнесла мать. Выждав несколько секунд, пока тетка успокоилась, она продолжала: — Мне хотелось бы знать, Харриет, зачем ты принесла... это сюда? Зачем ты пришла с... этим? А, Харриет?

Прежде чем ответить, тетя несколько раз всхлипнула, а когда начала говорить, голос ее звучал тускло и безжизненно:

— Когда она... Когда я увидела ее в первый раз, я хотела убить себя. Я знала, что ее никогда не признают настоящей, хотя отклонение это почти даже и незаметно. Но я не сделала этого, потому что подумала, что сумею как-нибудь спасти ее. Я... помни, я люблю ее, она... она чудесная девочка, совсем здоровенькая, кроме... кроме этого. Ну, взгляни сама... Взгляни, разве я не права?

Мать молчала, и тетя, вздохнув, продолжала тем же безжизненным голосом:

— Я не знала, просто понятия не имела, как это сделать. Я просто... просто надеялась. Я знала, что могу продержат ее немного у себя, пока ее не отберут... Ведь по закону дают месяц. Целый месяц... всего месяц, а потом необходима регистрация и... я решила воспользоваться этим сроком. Держать до последнего...

— А Генри? — перебила ее мать. — Что Генри говорит?

— Он... он сказал, что мы должны заявить немедленно. Но я не позволила ему... Я не могла! Эмили, я не могла! Ведь это уже третий раз! Я держала ее на руках и молилась, молилась и... надеялась. А потом, когда я узнала, что у тебя преждевременные... и тоже девочка, я подумала...

— Что ты подумала? — холодно и удивленно спросила мать. — Какое это может иметь отношение ко мне? Хоть убей, не понимаю, к чему ты клонишь?

— Я подумала, — еле слышно произнесла тетя, — если бы я могла оставить свою крошку у тебя, а с собой взять твою...

тем большую ценность он представляет как человек. Тем большего он стоит. Понял?

— Нет,— сознался я.

— Ладно, попробуй иначе. Видишь ли, Дэви, человек обрел свой внешний облик задолго до того, как он узнал, что он человек. Это внутри у него что-то случилось, что сделало его человеком. Он нашел в себе то, чего нет у остальных тварей, живущих на земле,— разум. Разум поднял его над всеми, как бы... на другую ступеньку, что ли... И вот теперь, как мне кажется, так или иначе, но ты, Розалинда и все ваши обрели новое свойство, новое... качество разума. И просить бога, чтобы он отобрал у тебя это свойство, все равно что просить его сделать тебя слепым или глухим. Я знаю примерно, что у тебя сейчас вертится на языке, Дэви, но жить в страхе, все время бояться— невозможно. Да и не нужно. Конечно, все не так просто и даже... немного опасно. Но ты должен трезво взглянуть на вещи, мальчик, и должен сам для себя определить: какую пользу для себя и остальных ты можешь извлечь из своего... свойства. Соблюдая при этом, конечно, осторожность.

Разумеется, я не все понял из того, что он мне сказал. Но кое о чем я задумался, а многое стало понятно мне позже.

Вечером, после разговора с Акселем, я рассказал остальным нашим про Уолтера Брента. Всем нам было жаль его, но мы испытали огромное облегчение, узнав, что это был только несчастный случай— нелепое и случайное происшествие. Кстати, позже я узнал о довольно странном совпадении: этот Уолтер приходился мне дальним родственником— фамилия моей бабки по материнской линии была Брент.

После истории с Уолтером мы решили назвать друг друга наши имена, чтобы больше никогда уже не мучиться неизвестностью.

Теперь нас было всего восемь. Впрочем, восемь тех, кто мог свободно разговаривать. Были и другие, которых мы иногда улавливали, но их попытки были столь слабыми и неумелыми, что в расчет мы их не принимали. Они были... как бы и зрячими, но лишь настолько, чтобы отличать день от ночи.

Кроме меня и Розалинды, были еще: Мишель, живший милях в трех от нас к северу; Салли и Кэтрин, жившие милях в двух от него; и уже почти на самой границе с прилегающим округом— Марк; Анна и Рэйчел— две сестры— жили на большой ферме, стоявшей от нашей всего на мило-полторы. Анна была самая старшая среди нас— ей недавно исполнилось тринадцать. Погибший Уолтер был самым младшим.

Узнав, как кого зовут, мы совершили второй шаг на пути, ведущем нас к сознанию своей обособленности. Этот наш поступок в какой-то мере ослабил нашу боязнь: каждый перестал так сильно ощущать свое одиночество и мог теперь рассчитывать на поддержку остальных. Шло время, и надписи на стенах в нашем доме, обличающие и проклинающие мутантов, перестали вызывать у меня мучительный страх. Они опять превратились в необходимую, хотя и не слишком приятную, часть нашего домашнего обихода. Правда, воспоминания о Софи и тете Харриет не исчезали, но и они перестали быть такими болезненными, как раньше. А вскоре в моей жизни наступили такие перемены, что у меня уже просто не было времени предаваться тревожным воспоминаниям, бередили душу.

В нашей школе, как я уже говорил, мы в основном выписывали и заучивали наизусть тексты из библии и «Откровений», которые даже не всегда понимали. Очень немного времени уделялось арифметике. Так что знаний в школе мы получали совсем мало. Родителей Мишеля это не устраивало, и они отправили сына в другую школу, в Кентак. Там он начал узнавать о таких вещах, о которых наши старушки, учившие нас простейшим арифметическим правилам, даже и не слыхивали. Естественно, ему хотелось поделиться с нами всем, что он узнавал сам. Поначалу это получалось у нас

неважно— расстояние между нами было теперь гораздо большим, чем то, к которому мы привыкли, и голос его сперва был слышен неясно. Но недели через две все как-то наладилось, и он уже мог подробно рассказывать нам все, что знал сам. Даже кое-что из того, что он сам не вполне понимал и усваивал, становилось яснее и понятнее, когда мы начинали размышлять все вместе.

Это было жутко здорово— узнавать все новые и новые вещи. Я начинал понимать многое из того, что пытался втолковать мне Аксель, но что раньше было для меня почти пустым звуком. Но все это еще в большей степени вынуждало нас таиться и быть постоянно начеку— я чувствовал, что от этого ощущения мне уже не избавиться никогда. Было очень трудно все время помнить, что можно говорить, а что— нет. Стоило огромного труда порой промолчать, слушая безграмотные разглагольствования старших, выслушивая нелепейшие объяснения самых простых и очевидных вещей, делать те или иные вычисления, зная, что есть другой способ добиться того же результата, гораздо более легкий и удобный...

Случалось, мы бывали неосторожны: порой чьи-то соседские брови недоуменно хмурились, когда у кого-то из нас вырывалась непроизвольная реплика, словцо... Но подобных ошибок с нашей стороны становилось все меньше и меньше, потому что чувствительность к опасности росла в нас с каждым днем. И так вот, находясь в постоянном напряжении, всегда начеку, мы прожили шесть лет, не вызвав ни у кого прямых подозрений. Может быть, так продолжалось бы и дальше, если бы в один прекрасный день мы не обнаружили, что нас уже не восемь, а девять.

Глава девятая

1

Самое странное для нас было то, что девятой оказалась моя маленькая сестренка— Петра. Она была такой обычной, такой нормальной, что никому и в голову не могло прийти, что она— одна из нас. Прелестная, жизнерадостная девчушка с золотистыми локонами... Я и теперь легко могу представить ее себе такой: чистенькая, всегда нарядная, ни секунды не сидящая на одном месте, носящаяся по двору и таскающая за собой косолазую куклу— самую свою любимую, хотя и довольно уродливую игрушку. Она и сама была, как игрушка, чудная, забавная игрушка, как и все дети, немного капризная, с мгновенными переходами от слез к смеху, от обид к радости. Я очень любил ее, да и все, даже отец, готовы были в любой момент оторваться от дел, чтобы приласкать ее. И никогда бы мне в голову не пришла мысль о какой-то ее необычности, если бы не однажды...

Нам всем тогда очень хотелось пить. Мы косили траву вшестером— я и пятеро работников с нашей фермы. Я остановился передохнуть и протянул свою косу соседу, желая поменяться с ним, как вдруг меня ударило... Никогда мне не доводилось испытывать ничего похожего. Всего секунду назад я, не торопясь, выпустил из рук косу и с удовольствием потянулся, а в следующий момент что-то физически ударило меня, словно внутри головы что-то взорвалось. Я буквально пошатнулся от этого удара. Потом пришла боль— сильная боль, неудержимо, помимо моей воли толкающая меня вперед, причем в первые несколько мгновений я даже не думал, идти мне или нет,— я просто подчинялся этой зовущей и толкающей меня вперед боли. Под удивленными взглядами всех, кто был со мной рядом, я стремительно пересек поле и побежал. Я не отдавал себе отчета в том, почему я бегу именно в этом направлении— через овраг, вдоль забора, вниз к пастбищу и к реке...

Продираясь сквозь заросли, краем глаза я видел поле, примыкающее к реке, поле Ангуса Мортонса с тропинкой, пересекающей его посередине, которая вела к мостику... По этой тропинке неслась как сумасшедшая Розалинда. Я спустился к реке и побежал вниз по течению— туда, где было много глубоких омутов. Что-то по-прежнему неудержимо толкало меня вперед, хотя сознание мое отказывалось понимать, куда и зачем я бегу. Река в этом месте дважды образовывала небольшие заводи. Я подбежал ко второй и с разбегу нырнул в нее. Через секунду я оказался лицом к лицу с Петрой, которая бултыхалась в воде, уцепившись за растущий на берегу возле самого краешка реки куст. Куст еле-еле держался на земле остатками корней, еще минута, и он сорвался бы в воду. Сделав несколько взмахов руками, я подплыл к Петре и обхватил ее под мышки.

Боль, не покидавшая меня все это время и толкавшая сюда, сразу прошла. Я выгнул Петру из воды и усадил на берегу. Только тогда я оглянулся и увидел рядом с собой Розалинду. Лицо ее выражало сильнейшую тревогу, и она глядела на меня с немым вопросом.

— Кто это был?— выговорила она наконец дрожащим голосом и приложила трясущую руку ко лбу.— Кто мог так сделать?

Я коротко объяснил, как было дело.

— Петра?— недоверчиво переспросила она.

Я уложил сестренку на траву. Она была почти без

сознания, но дышала уже ровно. Ничего страшного с ней как будто не случилось. Розалинда подошла к нам и тоже наклонилась над Петрой. Мы молча глядели на вымокшее платье девчушки и потемневшие от воды ее кудряшки. Потом мы отвели глаза от Петры и поглядели друг на друга.

— Я и понятия не имел,— сказал я,— никогда бы не подумал, что она одна из нас.

Розалинда прижала ладони к лицу и неуверенно провела кончиками пальцев по лбу. Потом она покачала головой и посмотрела на меня очень внимательно: в глазах ее еще отражалась боль от испытанного только что удара.

— Она не одна из нас,— прошептала Розалинда.— Она... что-то вроде нас, но... не такая. Никто из нас не сумел бы так приказать. Она... она что-то большее, чем мы...

В это время к нам уже подбегали люди, кто-то заметил, как я сломая голову мчался по полю, кто-то видел Розалинду, выскокшую из дому, как по пожар. Я взял Петру на руки, чтобы отнести домой. Один из наших работников, с которым я был на косолице, озабоченно смотрел на меня, пытаясь что-то сообразить.

— Как это ты узнал, что она здесь?— наконец проговорил он.— Я не слышал ни звука, а ведь был рядом с тобой.

Розалинда мгновенно обернулась к нему. На лице у нее было написано крайнее изумление.

— Не слышали ни звука?— самым естественным тоном переспросила она.— Да она же орала, как будто ее режут! Ее и глухой бы услышал миль за десять!

Работник с сомнением покачал головой, но мы с Розалиндой уверенно твердили свое, и нам как будто поверили. Я не стал продолжать этот разговор и постарался как можно быстрее уйти.

2

Той же ночью впервые за многие годы я вновь увидел свой старый сон— очищение. Только на этот раз, когда нож сверкнул в правой руке отца, в его левой руке был не теленок, не Софи, а... Петра! Я проснулся в холодном поту...

На следующий день я пытался поговорить с Петрой— поговорить мысленно. Я ужасно хотел объяснить ей, как важно, чтобы она держала свое умение передавать мысли в секрете и ничем себя не выдавала. Я старался долго, но у меня ничего не выходило: никакого контакта у нас с ней не возникало. Ко мне присоединились все наши— старались терпеливо, но безрезультатно. Я хотел было предупредить Петру обычными словами, просто поговорить с ней, но Розалинда была против.

— Скорее всего она сумела сделать это, потому что здорово испугалась,— сказала Розалинда.— Если она сейчас не отвечает нам и вообще никак не реагирует, то, по-моему, она просто не понимает, что с ней произошло... И не помнит. Поймите, в этом случае ее нельзя посвящать в нашу тайну! Не надо! Ей всего шесть лет, и подвергать ребенка такому риску просто нечестно!

В конце концов мы все согласились с этим. Мы знали, как трудно следить за каждым своим словом, даже когда ты уже привык к этому. Мы решили отложить разговор с Петрой, пока какой-нибудь случай не сделает этот разговор неизбежным или пока она не подрастет настолько, чтобы понять, о чем мы хотим ее предупредить. Пока же мы решили время от времени пробовать говорить с ней, и если нам так и не удастся установить с ней контакт, пусть все идет своим чередом.

За последние годы мы многое узнали о людях, живущих рядом с нами, о том, чем и как они живут. То, что раньше казалось забавной игрой, пусть немного опасной, но все же игрой, превратилось для нас в хождение по краю пропасти. Мы твердо знали: для того, чтобы выжить, мы должны ничем не отличаться от остальных— есть, пить, разговаривать и вообще жить точь-в-точь, как они. Мы были наделены особым чувством, которое, как говорил Мишель, можно было бы назвать счастливым даром, но для нас в мире, где мы родились, он был скорее проклятием. Самый тупой и ограниченный человек в округе был счастливее нас— ведь он был таким, как все. Мы же были другими и поэтому были обречены на вечное молчание, скрытность, ложь. Бесперспективность такого существования, невозможность делать то, что было назначено нам природой, вынужденность молчать, когда мы могли сказать гораздо больше, чем другие,— все это особенно сильно действовало на Мишеля.

Его более развитое, чем у нас, воображение заставляло его ясно видеть всю бессмысленность такой жизни, всю невозможность какого бы то ни было выхода, и поэтому ему было гораздо тяжелее, чем нам. Что касается меня, то нынешнее положение дел меня вполне устраивало. Я лишь изредка начинал ощущать всю нелепость нашего прозябания, но когда эти мысли приходили мне в голову, их тут же гасило обостренное чувство опасности, которое с возрастом стало частью моей натуры. В особенности это чувство обострилось

ОПРОКОНУТЫМ МИР

Евгений ДОДОЛЕВ

Чerez месяц-другой после нашей встречи Клара вышла замуж и уехала за тридевять земель, на родину своего нового супруга.

Собственно, как выяснилось, Клара тогда искала встречи, чтобы шантажировать разоблачениями мешавших осуществлению ее замысла подруг. Точнее, коллег, работавших с ней в доле. Ведь они были очень тесно повязаны друг с другом своими грязными делами. И вообще в мире ночной охоты за любое неудачное словечко, за всякий неосторожный шаг, за каждое нарушение уговора приходится расплачиваться жестоко. Хорошо, когда дело ограничивается лишь выплатой «неустойки». Неизвестно кем и когда придуманные системы штрафов и всяких прочих наказаний составляют свод неписаных законов, контролирующих отношения современных пореток и их сообщников.

По мнению же Клариных друзей, «она слишком сладко устроилась», поскольку замуж вышла без хлопот и проволочек, уклонившись от самого разного рода обязательств перед своими товарками. И, главное, муж у нее — едва ли не миллионер, а не просто так. Пусть и за семьдесят ему — «в этом тоже свои плюсы». И даже тени мысли не было ни у кого из них о том, что человек бросил родную землю, родных, близких... В этом мире свои понятия. А те, что дороги нам, распроданы.

Все они готовы выйти замуж по холодно-разраченному расчету. Идет целенаправленная глобальная самопродажа во имя звонкой монеты, «красивой жизни».

Даниель Дефо в «Радости и горестях знаменитой Молль Флендерс» недвусмысленно писал, что девушка, разделившая одной корысти ради супружеское ложе с нелюбимым мужчиной, вполне способна впоследствии отдаться за чистоган тому, кто готов платить, кто больше даст...

Вступая в брак лишь с целью извлечь из этого союза материальные блага, человек — будь то мужчина или женщина — предает прежде всего самого себя, потому что близость с существом нелюбимым, а то и просто отталкивающим не проходит бесследно. Она день за днем уродует сознание, души. Последствия такого альянса самые печальные.

Сколько жизненных драм разыгрывается за кулисами противостественной «гонорарной любви»! Даже более или менее терпимое отношение к своему хозяину перерастает в озлобленную раздражительность, а то и просто-таки патологическую ненависть к своему мучителю, который начинает вызывать неприязнь всем своим обликом, каждым жестом, словом, взглядом...

Такие явления — дело обычное в по-

добных семьях. А расстаться с наживой нет сил! Так и хочется урвать еще, побольше! Помните, Остап Бендер предупреждал бедолагу Балаганова, что за каждую скорлупенную калорию потребует от него массу услуг? А здесь женщины по своей воле изо дня в день выдают из себя все, что есть в человеке искреннего, глубокого, настоящего... Расправа над собой идет безжалостная — ведь иначе не выживешь... Жить можно только по законам этого мира.

Латинский глагол *prostituo* означает — позорю, бесчещу... Корыстолюбивые супруги бесчестят не только себя, но и своих партнеров и рады бы обесчестить всех и все вокруг, чтобы все подчинялось их законам, их нормам, их идеалам. Сами проститутки весьма охотно пропагандируют идею о выгодном замужестве без всяких симпатий к своему благоверному.

Не знаю, как в силу национальных традиций относятся к продажной любви, например, в Японии, где издревле процветал институт гейш, или, скажем, в Америке, где бок о бок с оснащенной парком спецмашин и компьютерами полицией нравов функционирует пестрая, как неон бродвейских реклам, разветвленная, как система федеральных скоростных шоссе, и гигантская, как нью-йоркские небоскребы, сеть массажных салонов, «мужских» саун, «кварцевых кабинетов» и заведений, по сути своей представляющих просто бордели.

Но у нас к женщинам легкого поведения отношение всегда было отнюдь не легким и снисходительным. Свидетельством тому — пословицы и притчи по этому поводу, пусть и не всегда ласкающие ухо, приличные по форме, но зато без привкуса ханжества, содержательно-едкие и уничижительные, быющие не в бровь, а в глаз. Народ всегда ясно осознавал, сколь опасно открытое существование подобных женщин для нравственного здоровья общества.

Помните у Чехова? До чего должен дойти русский человек, чтобы работать в публичном доме?! Сколь же нужно обмелчать и оскудеть душой, изуродовать ум, чтобы сегодня обратиться к такому промыслу!

Вот что произошло с нашей современницей по кличке Сигалина (она же Ирина Сигаль): выйдя замуж за работавшего на строительстве московской гостиницы «Космос» французского инженера, она несколько лет назад уехала с ним в Париж. Супруг по характеру своей работы постоянно в командировках, и Сигалина, время даром не теряя, хаживала подрабатывать на ту скандально известную парижскую площадь, где торгуют не только жареными каштанами и ванильной пастилой... Ее задержали раз, другой и поставили на учет. Теперь она, хочешь не хочешь, определенное количество франков обязана

выплачивать в качестве налога. Там свои законы.

Впрочем, той самой площадью географию своего промысла Ирина не ограничивала — до недавнего времени она с завидным постоянством наезжала в Москву: привозила вещи, выполняя заказы своих бывших подружек, и обдирали их при этом безбожно. Но, по их словам, спекуляция — лишь... побочный приработок Ириных вояжей. Она в каждый свой приезд бралась за старое, «работала за бабки». Остановиться не было ни сил, ни желания.

Печать распутного ремесла, подобно клею на ладони, коим метили проститутки столетия назад в Англии, накладывает на сознание женщины такой же отпечаток, как на ее облик.

Ну, как здесь не вспомнить персонажей «Ямы» Куприна? Посчастливилось одной вырваться из двухрублевого притона Анны Марковны, но «...даже и при спокойной жизни было в лице, в разговоре и во всей манере Любки что-то особенное, специфическое, для ненаметанного глаза, может быть, и совсем незаметное, но для делового чутья ясное и неопровержимое».

Ремесло становится натурой. Исключения не представляет, видимо, и привычка использовать любой случай, чтобы заработать, пусть иной раз и ценой собственного здоровья.

Другого объяснения приключениям Сигалины и ей подобных (например, москвички Ольги Харагути, промышленной по гостиницам во время отъездов своего заморского мужа) не найти. Если когда-то женщин вынуждали заниматься проституцией причины социально-экономического характера, а также невежество и порочность нравов, то сегодня разговор может идти о чудовищных провалах в воспитании, об отсутствии нравственной точки опоры внутри себя. Следовательно, выход один — изменение человеческой психологии, переориентация общественного мнения о проституции с фарисейски невидящего, нарочито-ханжеского или снисходительно-благодушного на нетерпимое, жесткое, наступательное отношение к этому социальному злу и нравственному уродству. И цель поставлена одна — искоренение порока полностью и бесповоротно. Чтобы не получалось по Мольеру: «Кто грешит в тиши — греха не совершает».

Отправляясь на вечеринку, где предполагается расплата за съеденное-выпитое подобием любви (а многие нынешние профессионалки начинали именно так), девушка уже переступает внутренний рубеж совести. Можно ли ее остановить? Нужно. И прежде всего заставить ее взглянуть на себя со стороны. И еще растолковать, чем все это рано или поздно закончится. Пусть знают. Пусть попробуют задуматься.

...Среди проституток встречаются

женщины с разными судьбами. Но невольно обращаешь внимание на одну деталь — у нынешних дам полусвета и образование в лучшем случае половинчатое. Дело не только в том, что зарабатывать столь немудреным методом скорее станет женщина недалекая и малообразованная; нельзя не заметить и обратную связь — необразованность проституток есть производная из их занятия.

«Ну зачем мне тратить силы, время и нервы на получение диплома, если я сейчас уже зарабатываю больше, чем буду получать после окончания института!» — так примерно рассуждает горе-студентка, засыпающая на лекциях оттого, что всю ночь «работала». «Из газет только «Известия» читаю... когда там официальный курс валют печатают...» — говаривала та же Клара.

Это не преувеличение. На панель подаются в основном «простые девчушки, двух слов связать не способные», как именует их ночная охотница со стажем (и с высшим образованием, к слову) Галя «Чиж», сетующая на то, что провинциальные эти девчушки с лексиконом Элочки Любоедки подрывают конъюнктуру и отбивают хлеб у высококвалифицированных дам, которые, помимо способности связывать слова на двух-трех языках, могут похвастаться еще и твердой, «непрогибаемой» таксой...

Галя «Чиж», если воспользоваться старинной терминологией — публичных домов, — мадам. Второй десяток лет приторговывает она не только собой, но и своими молоденькими коллегами, которых она же втянула в ремесло. Потому она в курсе всех дел и знает, что говорит. Впрочем, вторят ей и другие матерые поретки: работать стало труднее. Но не потому, что строже стали швейцары, менее покладисты таксисты или требовательнее милиция, нет, просто возросла конкуренция со стороны этих самых «девчушек», которых умудренные проститутки клеймят за то, что «они, соплячки, продаются как следует не умеют»...

Потому и нельзя нам молчать, что слишком много совсем юных среди 726 женщин, гостивших или пытавшихся погостить ночами «в жилых домах для иностранцев, расположенных в г. Москве», в течение одного только года.

Из них 104 иногородних, 62 — жительницы Московской области, остальные — с московской пропиской. Но коренных москвичек среди них совсем немного, в основном приезжие... Те, кто растерял в громе столичного города нравственные ориентиры, стремясь любой ценой приобщиться к «сладкой жизни», для кого столица представляется огромным кабаком и ничем больше. Они, как слепые и глухие, ничего не видят и не слышат в водовороте городской жизни, кроме шелеста купюр. Убоги и ничтожны их ин-

тересы и запросы. Мирок «ночной охоты» ничтожен по сути своей, но — увы! — не по масштабам.

Сложилась определенная прослойка дельцов, мнящих себя едва ли не аристократами. В этом «высшем свете», где все нравственные категории поставлены с ног на голову, где превыше всего ценится сытое существование, где «встречают по одежке», а провожают по значимости заключенной сделки, где модель автомашины определяет тон разговора с ее обладателем, современные проститутки чувствуют себя в своей тарелке...

Растленность мысли подразумевает душевную опустошенность. Посему неудивительно, что дамы полусвета спиваются, попадают в психиатрические клиники, рожают больных детей, заключают фиктивные браки с иностранцами, увлекаются наркотиками, оказываются на скамье подсудимых. Закономерен трагический исход любой преступной карьеры. Даже если деяние это не значится в Уголовном кодексе...

...Широкие черные и белые полосы модной шерстяной кофты подчеркивали глубину испуганных, бегающих глаз, бледность похуедевшего лица, на котором явно читались тревога и раскаяние. Узнать Вику было непросто.

Сидевшая с ней бок о бок Инка Рыжая держалась поувереннее и порой улыбалась конвоиным. Хотя представить, что это начальная и решительная проститутка Рыжая, глядя на простоватую, выглядящую старше своих тридцати четырех женщин, было непросто.

Впрочем, проходившие чередой свидетели узнавали женщин и не глядя в их сторону, а только ощущая на себе беспоконные, настороженные взгляды.

Так и сидели они рядом, как, бывало, за столиками ресторанов. Только теперь, выражаясь их языком, «ловить было нечего». Потому что сидели они на жесткой скамье подсудимых.

Верховный суд РСФСР, рассматривая минувшей зимой дело Головецкой Инны Алексеевны и Островской Виктории Валерьевны, учитывал все нюансы противоправной деятельности этих двух проституток, посягнувших на валютную монополию государства, но... способы добычи валюты, цинизм морали этих женщин остались вне компетенции судебных инстанций.

Из документов. «За последние годы в Москве, а также Ленинграде, Киеве, Сочи и других культурно-исторических центрах, курортных и портовых городах страны отмечаются многочисленные случаи вступления женщин легкого поведения в интимные связи с иностранными гражданами за вознаграждение. Подобные факты служат не только источником нетрудового обогащения, но и способствуют росту числа нарушений правил о валютных операциях, спекуляции и других преступлений. Широкое распространение получила также скупка у зарубежных туристов иностранной валюты, различных вещей и предметов».

Ну, а что же правоохранительные органы? Что они могут противопоставить хищническому нахрапу ночных охотниц и их пособников, которые с напористой энергией превращают улицы упомянутых городов в «панели»? Неужели руки людей, ответственных за правопорядок, связаны?

Из документов. «Вместе с тем в организации работы милиции по борьбе с указанными правонарушениями имеются упущения и недостатки. Не обеспечивается должный порядок в местах размещения и пребывания иностранных граждан. В отношении лиц, вступающих с ними в противозаконные контакты, слабо используются предусмотренные законом меры».

Врачи утверждают, что недуг легче предупредить, чем потом лечить.

Социальная язва проституции прогрессирует отчасти еще и потому, что возможны лишь оперативные вмешательства в случаях кризисных, когда масштабы противозаконной деятельности ночных охотниц вынуждают пресекать их деятельность длительными сроками заключения в местах, весьма

удаленных от «культурно-исторических центров и курортных городов».

Впрочем, в высказывании о «связанных руках» есть рациональное зерно. В цитируемом документе, подписанном заместителем начальника Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел СССР Г.А. Алексеевым, прямо отмечено:

«Кроме того, проводимые мероприятия по предупреждению и пресечению этих негативных явлений не дают положительных результатов вследствие несовершенства действующего законодательства. Предусмотренные в кодексах об административных правонарушениях санкции за незаконные валютные операции в незначительных размерах и торговые сделки неэффективны в силу своей малозначительности. Нуждается в изменении и существующий порядок обращения в нашей стране иностранной валюты, что позволит сократить число правонарушений, связанных с иностранными гражданами».

И все же последние абзацы письма внушают надежду, что зло, которое представляет собой нечистоплотный промысел ночных охотниц, зло, не укладывающееся ни в рамки народной морали, ни в наши представления о будущем, обретет юридический статус и потребует конкретных и зримых мер.

«Разработаны конкретные меры по усилению борьбы с проституцией, лицами, занимающимися незаконными сделками, другими противозаконными деяниями. Принято решение о создании в г. Москве специального подразделения милиции, на которое будет возложен весь комплекс вопросов по борьбе с правонарушениями в отношении иностранных граждан и с их стороны, взаимодействие с ведомствами и учреждениями, ведающими приемом и размещением зарубежных гостей».

В настоящее время... подготовлены и направлены на согласование в Прокуратуру СССР и Министерство юстиции СССР проекты предложений об установлении и усилении уголовной и административной ответственности за незаконные операции с иностранной валютой и платежными документами в небольших размерах, скупку у иностранных граждан промышленных товаров и других предметов».

На Западе свои представления о нравственных ценностях. Популярная американская певица Мадонна пропагандирует торговлю чувственностью в открытую: на своей шумевшей пластинке она в первой же песне, «Материальная девушка», выкладывает свое кредо открытым текстом: «Мужчины приходят и уходят... хорош лишь тот, у кого плотно набит кошелек...» Что ж, у них свои законы. И хотя с каждым годом к нам приезжает все больше иностранцев, мы не имеем права поступаться тем, что за века накопила и сберегла народная нравственность, что является моральными устоями нашей жизни.

Легче всего отвернуться от явлений, оскорбляющих чувство нашего национального достоинства, успокаивать себя мыслями о том, что вот у них там... Но отравление происходит, разлагаются юные сердца и души, проституция в атмосфере попустительства стала фактом нашей жизни, который уже нельзя замолчать. Если мы смирились с ее существованием, то как тогда быть с теми непреходящими ценностями, без которых мы не мыслим своего движения вперед? Ведь они несовместимы. А раз так — надо бороться.

Довелось мне однажды прочитать статью, объясняющую существование древнейшей из профессий генетической предрасположенностью... Рождаются дети с врожденным пороком сердца, но не думаю, что у кого-либо есть право сказать про ребенка: появился на свет с врожденным пороком самопродажа...

Проститутками не рождаются — ими становятся. Когда не возвращены в человеке нравственные начала, когда не воспитаны в нем чувства национальной и человеческой гордости, когда способность существования в грязи становится привычным способом существования.

НЕ ПОВТОРЯЙТЕ МОИХ ОШИБОК!

Письмо из мест заключения

Здравствуй, уважаемая редакция! Задуматься и написать вам меня заставили публикации журнала: «Правда и ложь об алкоголе» и обзор писем в ответ на статьи под рубрикой «Не отступим!».

Да, дорогая редакция, надо бить в набат! Ох, как надо! Но мало только лицемерить и комментировать. Надо по-настоящему бороться за судьбу всего человечества. Алкоголь — это смерть! Да, да — это смерть духовная, нравственная и, чего греха таить, физическая. Это должно быть ясно даже школьнику. И тем не менее... Пьют. И как пьют? Юродствуя, под тост тамады: «За борьбу с зеленым змием». Радует только то, что не все юродствуют, основная масса все же действительно борется или по крайней мере готовится дать настоящий бой «огненной смерти». Вы вдумайтесь в это определение — «огненная смерть». Ведь это совсем рядом со смертью «белой» — наркотиками! На одной шкале безумство и пороков. Лично я затрудняюсь определить, что есть зло большее из этих двух. Да и не в определении нуждается зло любого масштаба, а в истреблении с лица земли!

Я работал в одном из телеателье г. Запорожье приемщиком телерадиоаппаратуры. Я мог попросить мастера взять в ремонт чей-либо телевизор вне всяких сроков и очередей и договориться с ним о высочайшем качестве ремонта потому, что был заинтересован в трешке владельца этого телевизора. Вот уж воистину — сами потакаем и сами от этого страдаем и жалуемся на весь мир, но только не на себя! Эти «трешницы» и «пятерки» меня и испортили, и погубили. Я забывал временами про аванс и получку потому, что каждый день имел «чаевые». Я привык жить не по средствам, ездить только на такси, ужинать, а иногда и обедать только в ресторане высшей или, «на худой конец», первой категории. А ресторанные вечера без водки или шампанского, пива и коньяка не проходят. Вернее, у меня не проходили.

И ужинал я в ресторанах не всегда один. Друзья, а иногда и незнакомые девицы слетались, как хищники на падаль, когда я появлялся в дверях этих заведений. Как милы и обходительны были все они, когда я платил за их заказы, поил их там и брал им «на дорожку»! А меня все засасывала и засасывала эта трясина. Нет, меня совсем не тянуло выпить, просто я уже привык чувствовать себя таким царьком, повелевающим ордой друзей и размалеванных девиц, исполняющих все мои прихоти за отбивную и сто граммов водки. Конечно же, я презирал их, но вырваться из порочного круга уже не мог, а вернее, не хотел. Мне нравилось и мое положение, и «любовь» накрашенных матрешек.

Но, как известно, человеку сколько ни дай — все мало. «Доход» мой постепенно уменьшался — то ли делать лучше стали телевизоры, то ли сами их владельцы стали умнее, и я ушел из телеателье. Где я потом только не работал — и на «Запорожстали» слесарем по ремонту мостовых кранов, и огнеупорщиком, и на «Днепроспецстали» газорезчиком, и слесарем по ремонту сталеплавильных печей, но всегда «прирабатывал», как только мог...

В один из осенних дней я встретил девушку. Я зашел в комиссионный магазин и остановился посреди зала как вкопанный. Нет слов, чтоб описать ее красоту...

Я влюбился — раз и на всю жизнь! Целый год я как заведенный ездил встречать ее с работы. Целый год я не отходил от нее ни на шаг, не давал покоя ей ни в выходные, ни после работы. Я боялся ее потерять. Забыл про рестораны и друзей. Носил ей цветы не букетами, а охапками и зимой, и летом.

И Ирина полюбила меня. Мы стали мужем и женой. У нас родилась дочь Кристина. Я стал работать в Запорожской областной филармонии. Работал звукооператором. И вдруг — опять все сначала...

Чтобы пить и гулять, нужны были деньги, и немалые. А ставка только девяносто рублей. Что делать? Ответ пришел неожиданно. Я, разгоряченный дозой спиртного, остановил ночью на проспекте незнакомую девушку и отобрал у нее два золотых кольца и серьги, после чего спокойно отправился домой спать. Утром этот золотой груз жег мне руки, но я не кинулся разыскивать незнакомку, а пошел в скупку и сдал эти вещи.

Так я стал преступником. А фактически еще подонком и сволочью. Но этот шаг не прошел безнаказанно. Девушка опознала меня, и я был задержан. Следствие, суд. И вот я уже скоро год как в местах неуютных и не столь отдаленных. И впереди еще два с половиной года.

А началось все с малого, так красиво и блаженно. Так уютно было в ресторанном кресле. Не сравнить с казенной табуреткой. Да, как говорится: «По Сеньке и шапка». Что заслужил, то и получил. А ведь алкоголиком и даже пьяницей я не был. Пил, чтоб поддержать компанию, не более. И допился.

Так вот, дорогие мои сограждане! Это говорит вам человек, который испытал лично на себе финал «красивой» жизни с бокалом в руке. Бросьте пить, кто употребляет! Оглянитесь вокруг, ведь в мире так много прекрасного, к чему можно приложить свои руки! Одумайтесь, пока не поздно, пока вы еще не подошли вплотную к той пропасти, из которой я вам кричу! Мне скоро 25, а что я видел и что имею? Ничего! Все святое растерял и разбазарил! Предал и пропил! И теперь моим спутником стал страх. Сумею ли я вернуть себе свою семью?! Ну, а то, что в жизни я не повторяю таких ошибок, в этом уверен, поэтому я хочу предупредить всех остальных от своей горькой участи! Люди! Не повторяйте моих ошибок! Даже если начинаете с малого, конечным пунктом будет разбитая семья и тюремная скамья! Пока не поздно — оглянитесь на свою прожитую жизнь! Если у вас защемило сердце, значит, еще не все потеряно. Что мне делать дальше, как мне жить без любимого человека, без жены и дочери?

Продолжается наш традиционный конкурс юмористических рисунков. Ищем новые имена, интересные идеи, свежие темы!

Рисунок Юрия Базука, Иркутск

Рисунки Вадима Горюнова, Рязань

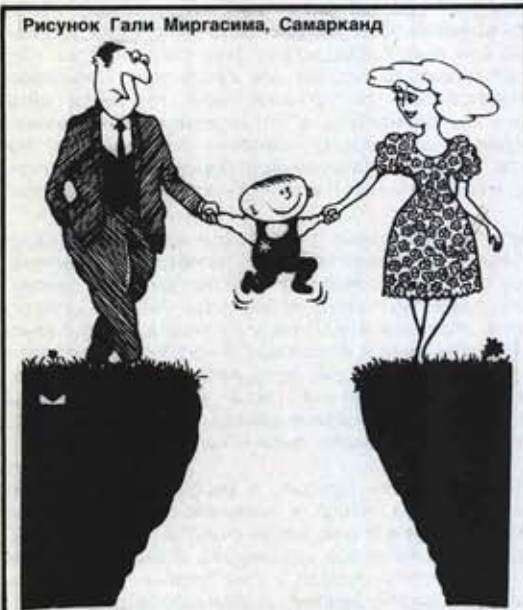
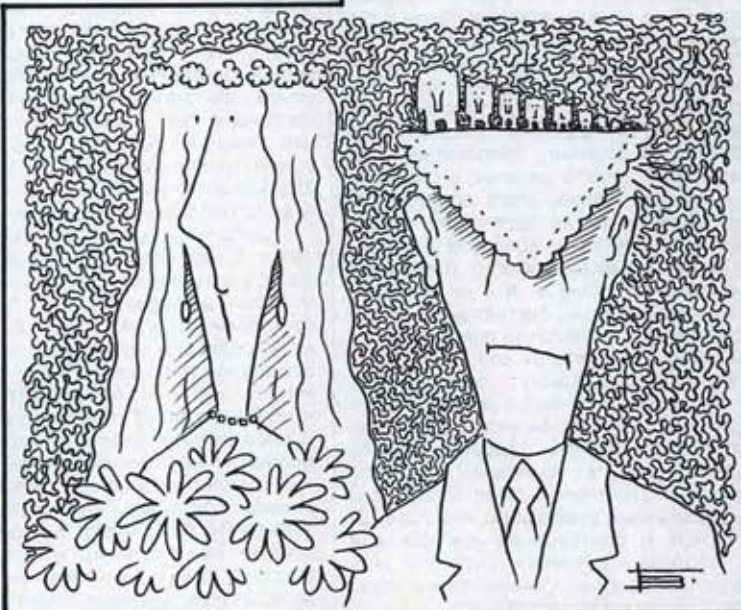
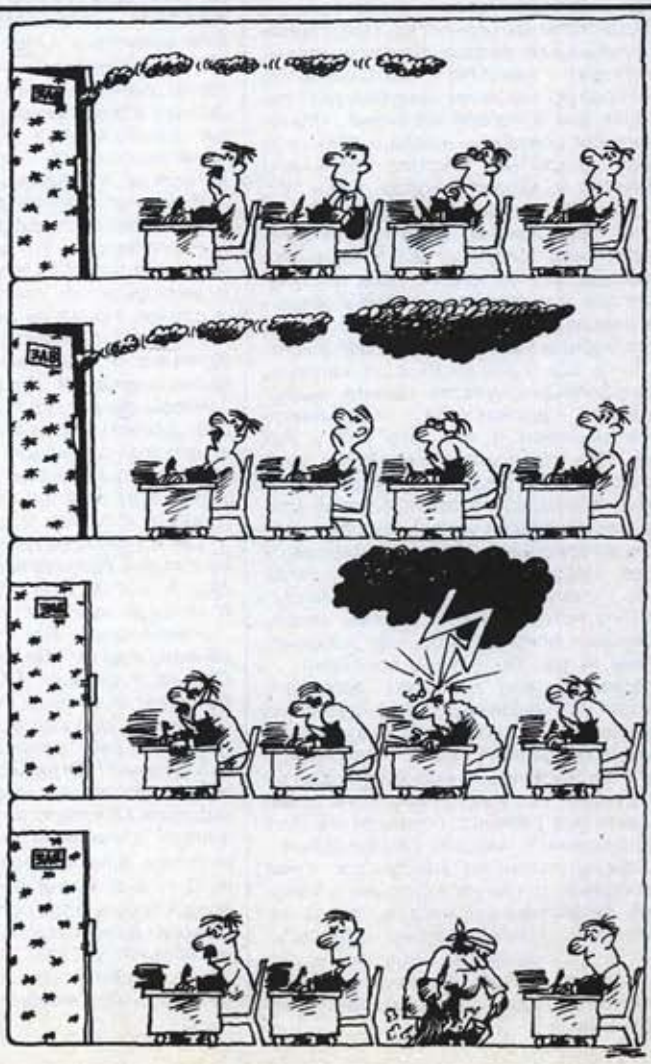

Рисунок Гали Миргасима, Самарканд

Рисунки Олега Теллера, Москва

Читайте в ближайших номерах:

Добрые книги — ребятам из детских домов.

Обком комсомола и молодежный театр: вместе или врозь?

Наш корреспондент едет по письму молодого рабочего.

Юрий Нагибин. Литературный портрет Аксакова.

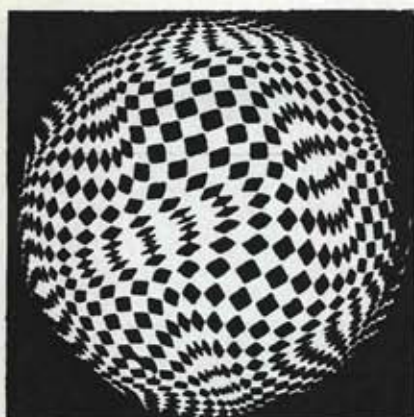

Вениамин Каверин. «Каким я помню Зощенко». Александр Герцен. Письма дочери и сыну. Повесть-сказка Аркадия и Бориса Стругацких.

Уэйн Гретцки — жизнь в профессиональном хоккее.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

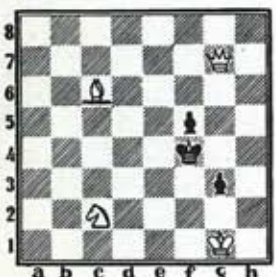
Требование единственности решения задачи распространяется не на один первый ход, а и на все последующие. Если начиная со второго хода к цели ведут разные продолжения, значит, задача имеет **дуали**. Дуали в тематических вариантах считаются **сильными** и приравниваются к побочному решению. Двойственность ходов белых в вариантах, не относящихся к авторскому замыслу, является **слабой** дуалью, которая не лишает задачу права на существование, но может снизить общую оценку задачи. Дуалей надо избегать!

Четвертый тур

Белые: Крe1, Лс7, Сf8, п.f3 (4)
Черные: Крд3, пп. d5, f4 (3)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

Белые: Крг1, Фг7, Сс6, Кс2 (4)
Черные: Крд4, пп. f5, g3 (3)
Мат в 3 хода (2 балла)

III

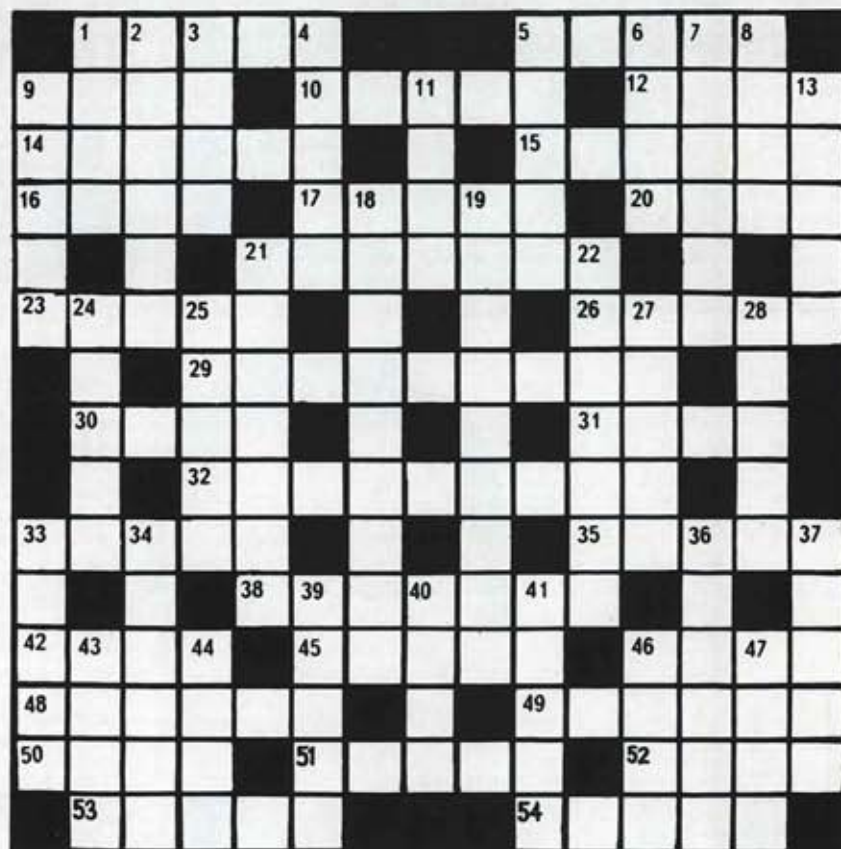

Белые: Крг6, Фf1, Сс3, Кг5 (4)
Черные: Крд2, Лг2, п. g4 (3)
Мат в 3 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 4-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 1 мая.

КРОССВОРД

Составила А. Тимофеева, Москва

По горизонтали:

1. Чей ..., тот и берет (русская поговорка). 5. Заключительная часть трагедии в древнегреческом театре. 9. «... и труд человека дивные дивы творят!» (Н. Некрасов. «Дедушка»). 10. Пристань на Сухоне. 12. Прежнее название — Персия, нынешнее — ... 14. Книга с воспроизведением картин художника. 15. Лачуга, хижина. 16. Грациозный олень, с которым восточные поэты часто сравнивают любимую. 17. Родовая ветвь юкагиров. 20. Революционер, один из организаторов Русской секции I Интернационала. 21. Яма для гашения извести. 23. Народная писательница Латвии. 26. «... Годунов» — трагедия А. С. Пушкина. 29. «Наступил один из тех дней, когда события, ручьями сбегаясь отовсюду, образуют как бы ... некий, охватывают человека и кружат его в неожиданном

По вертикали:

1. Древнее государство на юге Индии. 2. Лес, который любят маслята. 3. Мелкие волны на озере, пруду. 4. Болгарский писатель, автор романа «Табак». 5. Древнегреческий драматург, по рождению — аристократ, по взглядам — демократ. 6. Город на северо-западе острова Калимантан. 7. Вития, краснослов (по Далю). 8. Язык, на котором писал Омар Хайям. 9. Парижская оперетта — канкан, венская — ... 11. Советский график, автор знаменитых плакатов. 13. Продукт отложений в речной долине. 18. Подвесная дорога. 19. Город в Азербайджане. 21. Задача на уроке

хаосе своем до потери разума» (М. Горький. «Лето»). 30. Ледовый или снежный парусник. 31. Похожая на крапиву китайская конопля. 32. Фамилия отца и сына — создателей первого в России паровоза. 33. Последний царь Трои (в «Илиаде» Гомера). 35. Давление. 38. Лама, одомашненная инками раньше X века до н.э. 42. Трава с сильным лимонным запахом. 45. Способ военных действий. 46. Представитель кочевого союза племен, давшего толчок Великому переселению народов. 48. Металл, радиоактивный изотоп которого есть в табачном дыме. 49. Брус вдоль наружного борта гребного судна для защиты от ударов. 50. Река, впадающая в Гвинейский залив. 51. Частица, украшающая ночной костер. 52. Опера Д. Верди, премьера которой была в Каире. 53. Башня, тура, ... 54. Буровато-желтая прочная ткань.

геометрии. 22. Защита. 24. Старинное название порохового склада. 25. Предмет быта, которому М. Фарадей посвятил целую книгу. 27. Трава, выросшая после скошенной. 28. В Туве — игил, на Алтае — ..., в Хакасии — ыьху. 33. Один как ... (совсем один). 34. Правда. 36. Нитевидный вырост, с помощью которого передвигаются бактерии. 37. Просо — пшено, пшеница — ... 39. Пособие в судоплавании. 40. Самый искусный ткач в природе. 41. Дерево, спиленное для пережигания на уголь. 43. Крутой склон. 44. Положительный электрод. 46. Аптекарская мера веса. 47. Курортная местность в Литве с молодежным лагерем «Золотые дюны».

ЛЮБИТЕЛЯМ КРОССВОРДОВ!

Приглашаем вас участвовать в конкурсе кроссвордистов. Правила составления кроссвордов и первое задание конкурса читайте в предыдущем номере «Смены».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1435)

март 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ.

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Сергей ВЕТРОВ

Художник
Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки;
212-13-19 — коммунистического воспитания;
251-32-84 — фотоочерка;
250-29-39 — военно-спортивный;
212-21-38 — международной жизни;
251-04-10 — литературы и искусства;
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 21.01.87.
Подписано к печати 03.02.87.
А 05023. Формат 70 × 108 1/4
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50
Тираж 1 300 000 экз.
Изд № 391. Заказ № 108.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

СВЕТЛАНА АМАНОВА

Фото Валерия Плотникова

Индекс 70820 Цена номера 35 коп.

Светлане Амановой двадцать пять. Она актриса Малого театра. У нее одухотворенное лицо с тонкими правильными чертами, грудной голос, мягкая естественность манер. Никакой вычурности, позы. Какое-то внутреннее спокойствие.

При очевидной несовременности облика это человек, которого современность вполне устраивает. Другого ритма жизни она себе не представляет.

Она говорит, что с каждым годом профессия нравится ей все больше. Но с детства стать актрисой не мечтала, окончила музыкальную школу по классу скрипки. Однажды просто решила попробовать, что это такое — театр, и случайно поступила в Щепкинское училище на курс М.Царева. В процессе учебы постепенно стала ощущать профессию — когда уходила в восемь утра и возвращалась домой к часу ночи. Теперь, когда пройдены первые шаги в осознании природы актерского творчества, накоплен некий опыт, прожито и

продумано немало (она вообще человек думающий), Светлана спешит сделать новый шаг, который вывел бы ее к новому, высшему рубежу мастерства, на принципиально иную его ступень. Как научиться жить на сцене с такой степенью концентрации воли, мысли, энергии, чувств, чтобы между актером и зрителем возникла словно бы магическая связь. Когда вроде бы ничего не происходит, актер в бездействии молчит, а оторваться от него невозможно... И ты понимаешь, о чем он думает, чувствуешь его душу, как свою... Это и есть таинство театра, актерской профессии, ее суть.

На мой вопрос: «Что преобладает в работе над ролью, строгая расчетливость радио или эмоции?» — Светлана ответила:

— Я не люблю холодных актрис, мне в них не хватает души, я «не дышу» вместе с ними. Я понимаю, как они работают, могу проследить, как выстроены рисунок, но такое искусство меня

увлекает лишь потому, что самой этого не хватает — недостает терпения все продумать от и до. Я сначала стихийно, эмоционально воспринимаю роль и уже потом начинаю рассуждать: это — сюда, а это — сюда, то есть на открытое чувственное ощущение накладывается выверенный рисунок.

Речь зашла о нашем поколении — поколении 80-х, тех, кто сформировался как личность и вступил в профессию в 80-е годы. Мы обе согласились с тем, что на театре молодое поколение себя почти не выразило, а если и выразило, то опосредованно, через классику, ибо в современной драматургии молодые существуют как-то вяло и невнятно.

— Самая яркая черта нашего поколения — нетерпимость ко всем проявлениям неправды. И непримиримость. Если деремся, то до конца. Может быть, бываем в чем-то не правы и чересчур резки, но зато есть своя точка зрения и очевидное желание сделать что-то хорошее... Мы верим в то, что способны

сказать свое слово в жизни, только бы скорей успеть и не сдаваться!

— Сейчас все сбилось с ног в поисках молодого героя. Какой вы представляете себе вашу современницу, которую хотели бы сыграть?

— Я не могу точно определить ее. Но хотелось бы в ней увидеть то, чего я сама еще в жизни не знаю, не поняла, не испытала... И чтобы меня это взволновало. Хочу сыграть такую героиню, которая была бы неожиданна, непривычна для меня.

Ей нравятся ее современницы с их независимостью, эlegantностью, внутренней свободой и раскрепощенностью творческой энергии. Она и сама такая, актриса Светлана Аманова, влюбленная в образ Вивьен Ли. И еще — в Анну Маньяни. Скажете: это же такие противоположности! Но ведь внутреннее богатство и состоит в умении сочетать многообразие свойств души...

Елена ТКАЧ